

**{ВОЛЬФ
БЕЛОВ}**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

**СКАЗКА
НЕБЕС**

Вольф Белов
Сказка небес

«Вольф Белов»

2007

Белов В. А.

Сказка небес / В. А. Белов — «Вольф Белов», 2007

Романтическая сказка о дружбе и любви.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	17
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вольф Белов

Сказка небес

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИЗМЕНА

Велика и просторна была Поднебесная страна, легендарный край воздушных кораблей и небесных всадников. Страна не зря носила гордое название Поднебесной, ибо простиралась под самыми небесами, по другую сторону облаков.

Словно острова в белом клубящемся море поднимались из сплошной пелены густого тумана горные вершины. Здесь, между облаками и солнцем, жили вольные люди Поднебесной, жили безбедно, не зная горя.

Все свидетельствовало о мире и покое в этой стране. При одном только взгляде на Поднебесную сердце наполнялось восторгом – столь прекрасен и удивителен был заоблачный край. Великолепные дома, утопающие в изумрудной зелени садов, украшали вершины-острова. Чуть выше стояли дворцы знати, их шпили и купола сияли золотом в лучах солнца. Ажурные виадуки и подвесные мосты словно паутина опутывали всю Поднебесную страну сплошной сетью, соединяя меж собой горные вершины. Стаи огромных лебедей проносились в небе, неся на своих спинах всадников и различные грузы. Иногда в ярко-синих далях неспешно проплывали воздушные корабли, одетые в паруса, подобные гигантским белоснежным птицам.

Над всеми прочими вершинами гордо возвышался блистающий Хрустальный дворец царя Лапарата, правителя Поднебесной державы.

Советник Калидум стоял на террасе на самом верху одной из башен царского дворца. Студеный ветер бил советника в лицо, развевал полы его черного одеяния. Поднебесная всегда была страной ветров и здесь, на самой высокой башне Хрустального дворца можно было сполна ощутить всю силу воздушной стихии. Но все же советник любил бывать здесь, он подолгу стоял на террасе, любуясь красотами Поднебесной, величественное зрелище всегда успокаивало его.

Однако сегодня Калидум пребывал во власти черных мыслей. Пару лет назад он удачно выдал замуж свою младшую сестру Дитару. Это обстоятельство поспособствовало возвышению самого Калидума до поста царского советника, многие придворные завидовали его удаче. А минувшей ночью молодая царица разрешилась от бремени, произведя на свет наследника трона. Роды были слишком тяжелыми, старый лекарь Тапигин предрекал царице скорую смерть. Но не только это скорбное обстоятельство тяготило душу советника. Его грызла досада, ведь у царя Лапарата уже имелся один наследник – его пятилетний сын от первого брака, царевич Харат. Дитара нежно любила своего пасынка как собственного сына, однако брат царицы совсем не разделял ее чувств. С рождением же племянника чувство антипатии к малолетнему Харату еще более обострилось. Очень скоро Дитара покинет этот мир, опечаленный царь вполне может отдалить от себя новорожденного, а вместе с ним и его дядю, чтобы ничто и никто не напоминал об усопшей. Собственное будущее рисовалось Калидуму в самых мрачных тонах – неясным и безрадостным. Как ни крути, а его племянник унаследует трон лишь вторым и может вообще не дожидаться своей очереди – повороты судьбы непредсказуемы. Кому тогда будет нужен он, старый советник?

Чем дольше размышлял Калидум, тем все более убеждал сам себя, что лично для него наступают черные времена. Советник становился все мрачнее. Услышав за спиной деликатный кашель, Калидум обернулся. Позади стоял старый придворный лекарь Тапигин.

– Что скажешь? – спросил Калидум.

– Мне нечем обрадовать вас, ваша милость, – печально произнес старик. – Царица умирает, часы ее сочтены. Мало надежды, что она доживет хотя бы до завтрашнего рассвета.

– А ребенок?

– Царевич здоров и полон жизни. Видимо все свои силы царица отдала ему, не оставив себе ни капли. Мне очень жаль, но я бессилен что-либо сделать.

Калидум тяжело вздохнул. Лекарь всхлипнул и приложил к глазам платок.

– Простите, ваша милость, но мне кажется, что следует известить государя, – сказал старик. – Возможно он еще успеет проститься с супругой.

– Я сам отправлюсь к государю и расскажу ему обо всем, – ответил Калидум.

– Это может быть опасно, ваша милость, – предостерег его Тапигин. – Поговаривают, что на дальних вершинах появился пиратский корабль. Да и черные воины могут напасть на одинокого путника. Советник государя для этих стервятников желанная добыча.

– У меня на лбу не написано, что я советник. Я буду осторожен. А ты береги ребенка, старик.

– Можете не сомневаться, ваша милость, я сделаю все, что от меня зависит, – заверил старый лекарь советника.

– Пойдем, Тапигин. Проводи меня к государыне, я должен повидать ее перед дальней дорогой.

В сопровождении старого лекаря Калидум спустился с башни и проследовал в покои царицы.

Спальню Дитары заливал яркий солнечный свет, врывающийся сквозь огромные распахнутые окна. Сама царица лежала на широком ложе, раздвинутые занавески шелкового балдахина покачивались от легкого ветерка, гуляющего по просторной комнате. С первого взгляда становилось ясно, что старый лекарь прав, царице недолго оставалось мучиться на этом свете – черты ее красивого лица заострились, она была бледна до синевы, на истончившихся руках, безвольно покоившихся поверх покрывала, сквозь кожу просвечивали синие жилки. Царица была неподвижна, даже грудь умирающей государыни не вздымалась, казалось, что жизнь уже покинула ее.

Сердце Калидума болезненно сжалось, когда он приблизился к ложу царицы. Горько было видеть молодую женщину, еще совсем недавно такую цветущую, жизнерадостную и полную сил, на смертном одре. Калидум опустился на колени и осторожно взял в ладони хрупкую ладонь сестры. Дитара открыла глаза и взглянула на советника.

– Тапигин все время старается успокоить меня, – тяжело прошептала царица. – Хоть ты скажи мне правду. Я скоро умру?

Калидум не решился солгать и лишь печально вздохнул, опустив глаза. Но Дитара и сама давно уже все понимала.

– Об одном тебя прошу, – прошептала царица. – Сбереги моего сына. Позаботься о нем.

– Он не будет нуждаться ни в чем, – ответил Калидум. – Я клянусь тебе.

– И не оставь своими заботами маленького Харата, – продолжала Дитара. – Очень жаль, что я не смогу больше заменять ему мать.

На сей раз советник воздержался от клятв, только кивнул. У него в отношении старшего наследника трона были свои мысли.

– Сейчас я вынужден покинуть тебя, сестра, – произнес Калидум. – Я отправляюсь к государю. Постараюсь вернуться с ним как можно скорее.

Калидум поцеловал руку сестры, поклонился и вышел.

Покинув покои царицы, Калидум отправился на посадочную площадку перед серебряными воротами дворца, где его уже ожидал оседланный черный лебедь, подготовленный слугами к дальней дороге. Приняв поводья от грума, советник взобрался в седло и пришпорил птицу. Лебедь взмахнул крыльями и, пробежав несколько шагов, легко поднялся в небо.

Калидум направил птицу к дальним пределам Поднебесной державы. Где-то там на далеких вершинах находился воздушный корабль самого царя Лапарата. Пару недель назад государь отправился на осмотр своих владений, взяв с собою царевича Харата и малую дружину.

Большая птица стремительно неслась над белой пеленой облаков. При такой скорости Калидум вполне мог рассчитывать прибыть на корабль государя к вечеру, еще до наступления темноты. Однако непредвиденное обстоятельство спутало все его планы.

Из тени огромной горы с почти отвесными склонами медленно выплыл корабль. Он был достаточно велик, но советник не сразу заметил судно. Корпус корабля сидел низко, чуть не по самую палубу погрузившись в пучину облаков, воздушный шар из черного шелка и черные паруса были практически не видны на фоне темной горы, к тому же лучи заходящего солнца били прямо в глаза. Весь вид черного корабля не оставлял места сомнениям – это притаились в засаде пираты. Но когда советник заметил судно, было уже слишком поздно.

Калидум круто развернул лебедя, стремясь скорее убраться от пиратского корабля подальше. Под черными парусами звонко щелкнула катапульта, затем послышался свист. Калидум оглянулся и понял, что ему уже не уйти. Рассекая воздух, к нему стремительно приближались четыре металлических шара. Снаряды разлетелись в стороны, между ними натянулась сеть. Через мгновение она опутала советника вместе с лебедем, оба рухнули в пучину облаков. Туман ослепил Калидума, плотная влага заложила уши, забила глотку, одежды советника мгновенно увлажнились.

Но вскоре он вновь оказался над облаками, пираты вытянули сеть и втащили свой улов на палубу корабля. Распутав пленника, они обступили его со всех сторон.

Калидум огляделся. Сомнений больше не оставалось, он действительно попал в руки пиратов. Вокруг стояла толпа пестро одетых и вооруженных до зубов людей разного возраста. Это были небесные бродяги, волей случая заполучившие в свои руки воздушный корабль и грабившие одиноких путников и отдаленные вершины.

Вперед выступил тучный мужчина, обритый наголо – видимо, предводитель пиратов.

– Глядите-ка, какая птица попалась нынче к нам в сети, – с ухмылкой произнес он, разглядывая пленника. – Выворачивай карманы, богатенький, отдавай свое золото.

– У меня ничего нет, – ответил Калидум.

– Сейчас мы это проверим.

По приказу предводителя двое пиратов быстро обшарили пленника с ног до головы. Единственным трофеем оказалась узорчатая золотая цепь, сорванная с шеи советника.

– Ну вот, а говорил, что ничего нет, – с укоризной произнес капитан корабля, взвешивая цепь в ладони.

– Ничего, кроме этого, – запоздало уточнил советник.

– Да, негусто, – согласился предводитель пиратов. – Отправляясь в дальнюю дорогу, мог бы и захватить с собой кошель. Тогда мы, быть может, и отпустили бы тебя. А так придется продать тебя гномам на рудники, чтобы хоть как-то возместить ущерб.

– О каком ущербе вы говорите, уважаемый?! – возмутился Калидум. – Я впервые вас вижу.

– А ты не спорь, – мрачно посоветовал капитан. – Можешь ведь и головы лишиться. Отвечай, кто ты такой?

Калидум обвел взглядом заоблачных бродяг. Первый испуг уже прошел и в голове сам собой начал складываться коварный план. Видимо, сама судьба свела его с черным кораблем.

– Мое имя Калидум, – произнес пленник. – Я советник царя Лапарата, правителя Поднебесной.

Пираты оживились, кто-то удивленно присвистнул.

– Ого! – воскликнул их предводитель. – Оказывается, мы должны называть тебя – ваша милость! Где же твоя свита, господин советник?

– Вы можете называть меня как хотите, – миролюбиво сказал Калидум. – Но если вы хотите заполучить много золота, мне есть, что вам предложить.

– И что же? – поинтересовался капитан.

– Я предпочел бы обсудить мое предложение наедине.

– Хорошо, – процедил капитан сквозь зубы, смерив советника пристальным взглядом. – Но берегись, приятель, если окажется, что ты зря потратил мое время. Эй, вы! – крикнул он своей банде. – Прочь отсюда! Займитесь делом!

Пираты разошлись в стороны, издали наблюдая за своим капитаном и его пленником.

– Говори, как я смогу получить мое золото, – приказал капитан.

– Я отдам тебе корабль царя Лапарата, – ответил советник. – Его трюм доверху набит сокровищами.

Говоря так, Калидум откровенно лгал. На корабле государя Поднебесной действительно имелась сокровищница, но отнюдь не такая богатая, как толковала о том людская молва. И тем не менее советник продолжал разжигать алчность в душе пиратского главаря.

– Поверь, ты не мог бы и мечтать о большей добыче.

– Откуда тебе знать, о чем я мечтаю? – прорычал пират, уже прикидывая в уме, какие барыши сулит захват царского судна. – И как ты отдашь мне корабль своего государя?

– Я устрою так, что поздней ночью Лапарат проследует через эти края верхом с малой дружиной. Вам нет нужды вступать в схватку с ним, достаточно будет просто пропустить его. За царем отправится его корабль. Там почти не останется воинов и вы сможете легко захватить его.

– Речи твои заняты, советник, – усмехнулся пират. – Однако почему я должен верить тебе?

– Тебе придется рискнуть, – ответил Калидум. – Продав меня в рабство, ты много не выгадаешь. Захватив же корабль Лапарата, ты и твоя команда до конца своих дней сможете купаться в роскоши.

– Все это заманчиво, но одно я никак не могу взять в толк. Тебе-то зачем это нужно?

– У меня есть свой интерес, я тоже получу свою выгоду. Подумай хорошенько, на царском корабле много сказочных сокровищ. Отпусти меня сейчас и все они достанутся тебе и твоим людям.

Предводитель пиратов потер ладонью свой давно не бритый подбородок, размышляя, потом произнес:

– Я предпочитаю, чтобы ты остался здесь, советник. Напиши послание своему царю, я отправлю его со своим человеком.

– Лапарат не поверит ему, – возразил Калидум. – Кроме того, я лично должен присутствовать на царском корабле, чтобы весь замысел осуществился. Думай скорее, время уходит.

На некоторое время капитан вновь погрузился в размышления, разрываясь между недоверием к советнику и жадой легкой наживы. Наконец, алчность перетянула чашу весов и предводитель пиратов произнес:

– Хорошо, я отпущу тебя. Но если ты обманешь, месть будет жестокой. Может статься, что когда-нибудь ты снова окажешься в моей власти, советник. Тогда за свой обман ты умрешь страшной смертью.

– Будь уверен, ты получишь свое золото, – пообещал Калидум.

– Эй, вы! Верните ему птицу! – крикнул капитан своим подручным.

Пираты освободили лебедя из сети. Калидум взобрался в седло и могучая птица вынесла его с палубы корабля. Проводив советника взглядом, капитан повернулся к своим головорезам и произнес:

– Наточите свои клинки, парни, и будьте готовы. Этой ночью у нас будет богатая пожива. Этот проходимец наобещал много, а мы возьмем еще больше. Пожалуй, мы захватим не только корабль Лапарата, но и самого царя и до конца своих дней будем спать и жрать на золоте.

Покинув пиратский корабль, Калидум продолжил свой путь, направившись к самым дальним рубежам Поднебесной. Солнце уже скрылось за мрачной громадой Заоблачных гор, едва угадывавшихся в тумане на самом горизонте. Там находились владения черных воинов, извечных противников обитателей Поднебесной. Издавна ходили недобрые слухи о герцогах Черной башни – правителях Заоблачных гор. Не всегда эти слухи были правдивы и обоснованы, однако жители Поднебесной относились с недоверием к черным воинам и считали их сродни пиратам.

Впрочем, Калидума сейчас занимали совсем другие мысли, советник был озабочен борьбой с собственной совестью. По природе своей он вовсе не испытывал склонности к интригам и коварству и даже сейчас, уже заручившись поддержкой пиратов, не мог окончательно решить, привести ли в исполнение внезапно родившийся план. Но в конце концов Калидум решил положиться на волю судьбы и действовать сообразно обстоятельствам.

Между тем погода ухудшалась, студеный ветер все крепчал, надвигалась буря. В эту ночь наверняка должен был разыгаться шторм. Это обстоятельство также подталкивало Калидума к свершению измены, непогода очень способствовала исполнению его коварного замысла.

Советник увидел корабль государя, когда уже померкли последние солнечные лучи и в центре небесного купола, среди мерцающих звезд загорелся ярко-желтый глаз луны. Судно висело в воздухе меж трех вершин, растянутое на якорных канатах. Корабль спустили почти к самой пелене облаков, укрыв от все усиливающегося ветра за горными склонами. Его можно было отыскать лишь по огромному белому куполу воздушного шара, едва заметного во тьме.

Калидум опустил лебедя на чуть освещенную двумя фонарями посадочную площадку перед большим дворцом. Это был особняк богатого владельца лебединой стаи Хапира. Не трудно было догадаться, что царь Лапарат остановится на ночь именно здесь, тем более, что весь дворец светился яркими огнями.

Калидум не ошибся. Едва лебедь опустился на площадку и сложил крылья, к нему подбежали два воина из дружины Лапарата и схватили удила. Узнав советника, оба почтительно приветствовали его, один из воинов проводил прибывшего в дом.

В большом зале царь Лапарат восседал во главе праздничного стола – хозяин дворца устроил пир по случаю прибытия в его дом правителя. По одну руку от государя сидели Хапир со своим семейством, по другую – малолетний царевич Харат со своим воспитателем Датой и несколько знатных вельмож, владельцев окрестных вершин, почтивших своим присутствием правителя Поднебесной.

Хвалебные тосты во здравие государя, его супруги и наследника следовали один за другим, в зале было довольно шумно и весело, музыканты развлекали гостей песнями. Несмотря на поздний час, никто не выказывал усталости, лишь царевич Харат откровенно зевал и таращил глаза, изо всех сил стараясь не уснуть за столом.

Увидев советника, государь поднял кубок и громогласно произнес:

– Приветствую тебя, Калидум! Какая нужда привела тебя сюда?

– Позвольте выразить вам свое почтение, ваше величество, – отозвался советник, поклонившись. – И свое сочувствие, – добавил он чуть тише. – Ибо весть моя недобрая.

Лапарат отставил кубок в сторону, улыбка исчезла с его лица. Веселая музыка смолкла, разговоры прекратились, в зале стало тихо.

– Что случилось? – сурово спросил царь.

– Угодно ли вашему величеству поговорить наедине? – почтительно поинтересовался Калидум, снова поклонившись.

Царь кивнул. Хапир взглянул на свое семейство и соседей-гостей и сделал попытку подняться, но Лапарат остановил его.

– Нет-нет, почтенный Хапир, останьтесь. Я уже достаточно стеснил вас в собственном доме.

– Ну что вы, ваше величество, – смущенно пробормотал хозяин дворца. – Если вы хотите уединиться, мы оставим вас.

– Нет, – решительно возразил Лапарат. – Я выйду сам.

Царь поднялся из-за стола и покинул пир. Калидум последовал за государем. Оба вышли в соседнюю комнату.

– Говори, Калидум, – повелел царь. – Что случилось в мое отсутствие?

– Дитара, – одним словом ответил советник.

– Что с ней? – встревожился царь.

– Сожалею, ваше величество, но государыня умирает. Тапигин говорит, что она едва ли доживет до рассвета.

Царь опустил голову и закрыл глаза ладонью. Некоторое время он стоял так неподвижно, потом глухо спросил:

– Почему это случилось?

– Минувшей ночью государыня разрешилась от бремени, – ответил Калидум. – Это произошло на две недели раньше, чем мы ожидали. Роды были тяжелыми и истощили ее силы, жизнь покидает царицу.

– А ребенок? – живо спросил царь, отняв ладонь от лица.

– Ваш сын родился здоровым, его жизни ничто не угрожает. Но мать...

Лапарат снова закрыл лицо ладонями и глухо простонал.

– Злой рок преследует меня, – с горечью произнес он. – Первая жена тоже умерла при родах, оставив мне Харата. Теперь Дитара... Словно судьба наказывает меня за какие-то грехи.

– Мы с Тапигином подумали, что вы хотели бы увидеть супругу в преддверии скорбного часа, – продолжил Калидум. – Я взял на себя обязанности гонца.

– Ты поступил правильно, – одобрил царь. – Я немедленно отправлюсь верхом в Хрустальный дворец.

– Если позволите, ваше величество, я приведу ваш корабль в гавань Хрустального дворца, – предложил Калидум.

– Да, сделай это, – согласился царь. – Я же отправлюсь во дворец немедленно.

В сопровождении советника Лапарат вернулся в зал.

– Я вынужден просить прощения у гостеприимного хозяина, но скорбные обстоятельства заставляют меня срочно вернуться в Хрустальный дворец, – объявил государь. – Седлайте лебедей, со мной отправится дюжина воинов.

Несколько человек мгновенно выбежали из зала, спеша исполнить приказ царя. Хапир поклонился государю и произнес:

– Смею надеяться, ваше величество, что несчастье, каким бы оно ни было, скоро отступит.

– Увы, почтенный Хапир, эти надежды тщетны. Калидум вам все объяснит. Я же должен спешно возвращаться.

Сказав это, Лапарат немедленно покинул зал. Вскоре за окнами стремительно промчались тени – лебеди понесли царя и его телохранителей к хрустальной цитадели Поднебесной страны.

Гостеприимный Хапир пригласил советника к столу. За поздней трапезой Калидум поведал собравшимся горестную весть о смертельном недуге государыни. Хапир и его гости сокрушенно закачали головами – все в Поднебесной любили молодую царицу Дитару, едва ли по эту сторону небес можно было найти более благородную и добродетельную женщину.

– Хорошо, что царевич не слышит этого, – прошептал Дата, взглянув на маленького Харата, уснувшего за столом. – Государыня заменила ему мать, он очень любил ее. Бедный мальчик, для него это большая утрата.

– Для всех нас, это огромное горе, – печально произнес Хапир. – Но такова жизнь, мы часто кого-то теряем и не в наших силах изменить судьбу. Однако я вижу, что царевич сильно устал. Пусть слуги отнесут его в спальню.

– Нет, пусть его отнесут в царские покои на корабле, – возразил Калидум. – Мы должны возвращаться в Хрустальный дворец.

– Опасно сейчас поднимать корабль, – предостерег советника Хапир. – Начинается шторм. Слышите, как грохочет гром?

Действительно, грозные громовые раскаты один за другим раскалывали Поднебесье. Шторм набирал силу.

– Да, буря будет сильной, – поддержал хозяина дома один из его гостей. – Лучше переждать до рассвета, ваша милость.

– Все это так, – кивнул Калидум. – Но у нас нет времени на ожидание. Царица хотела бы проститься перед смертью и с приемным сыном, вы ведь знаете, как нежно она любила этого мальчика. Мы должны спешить. Кроме того, корабль надежен, он выдержит любой ураган. Ветер попутный, нам не придется с ним бороться. Готовьте судно, мы отправляемся немедленно.

Собравшиеся совсем не разделяли уверенности Калидума, однако никто более не решился возражать царскому советнику и родственнику.

Слуги Хапира отнесли на корабль припасы, весь немногочисленный экипаж вернулся на борт. Спящего царевича верный Дата самолично отнес в царские покои на корабле.

Между тем ветер достиг ураганной силы, он метал воздушный шар из стороны в сторону, грозя в клочья разорвать оболочку о выступы скал. Это послужило только лишним поводом поскорее покинуть убежище. Снявшись с якорных канатов, корабль поднялся над вершинами и оделся парусами, превратившись в гигантскую белую птицу. Буря подхватила судно и стремительно помчала его навстречу Северной звезде.

Шторм набрал полную силу. Пелена сгустившихся туч клубилась и колыхалась волнами, словно безбрежное море, резкий ветер срывал с поверхности клочья и рассеивал мелкими брызгами. Почти непрерывные сполохи молний окрасили тучи в зловещий багрово-красный цвет. Где-то там, внизу, на предгорьях и равнину потоками воды обрушивался чудовищный ливень, удары молний выжигали землю, ураганный ветер вырывал деревья с корнем, разрушал постройки. Здесь же, по другую сторону небес, оглушительно грохотал гром, не смолкая ни на мгновение, да время от времени блистающие щупальца молний вырывались из бурлящего кровавого моря, норовя ударить в днище корабля.

Калидум стоял на самом носу и неотрывно смотрел в звездно-черную даль. Он словно не замечал ни пронизывающего холода, ни резкого ветра, норовившего сорвать плащ с его плеч. Близился час, когда свершится задуманное коварство, но противоречивые чувства с новой силой принялись терзать душу советника. В смятении Калидум даже был готов отказаться от осуществления своего плана и повернуть корабль назад. Однако набравший полную силу шторм уже не позволил бы вернуться ко дворцу Хапира или снизиться к вершинам, ветер мгновенно разбил бы корабль о скалы. Лишь гавань Хрустального дворца позволяла совершить подобный маневр при такой непогоде. Волей-неволей корабль нес Калидума навстречу его желаниям, исполнения которых он уже сам не очень-то жаждал и даже пугался.

– Впереди что-то происходит! – послышался взволнованный крик дозорного.

Действительно, прямо по курсу темнела масса воздушного корабля. Вокруг носились силуэты птиц и крылатых змеев, в свете луны и сполохах молний сверкали обнаженные клинки.

– Это же пираты! – воскликнул Осмар, капитан царского корабля. – И с ними заоблачные воины! Они напали на нашего государя! Приготовиться к бою!

Калидум сжал кулаки и тихо выругался. Обуреваемые жадностью пираты напали на самого Лапарата, а это совсем не входило в планы советника.

Весь немногочисленный экипаж царского корабля рассыпался по местам, арбалетчики заняли специальные гнезда на нижних мачтах-реях, вынесенных далеко за палубу судна.

Царский корабль приблизился к месту схватки, центром которой служило пиратское судно. В невообразимой суматохе, царившей вокруг, трудно было что-либо разобрать – пронзительно кричали лебеди, шипели змеи, всадники пикировали на палубу корабля, звенели стальные клинки, выбивая искры.

Стрелки вскинули арбалеты, просвистели стрелы, сразив нескольких пиратов и заоблачных воинов. В ответ с пиратского корабля запустили из катапульты огненный шар, сплетенный из веток и заполненный смолой. Пылающий снаряд разбился о палубу царского судна, во все стороны расплеснулось пламя. Несколько царских лучников пустили зажженные стрелы в паруса противника. Оснастку пиратского корабля также охватил огонь.

– Гасите пламя! – крикнул Осмар.

Несколько человек принялись забрасывать огонь песком.

Между тем побоище вспыхнуло с новой силой. В пылу боя никто уже не заботился об управлении кораблями, оба судна сошлись вплотную, сцепившись оснасткой. Пираты бросились на abordаж, на палубе царского корабля закипела отчаянная рукопашная схватка. Все перемешались – пираты, царские дружинники, воины с Заоблачных гор. Все бились против всех. Однако вскоре заоблачные воины вышли из схватки. Оседлав своих змеев, они покинули сцепившиеся корабли, гонимые ураганом неведомо куда, и растворились в темноте.

Три лебедя – все, что осталось от малой дружины Лапарата – опустились на палубу. Два воина сняли с седла бесчувственное тело царя.

– Государь смертельно ранен! – крикнул один из них. – Он в беспямятстве! Скорее на помощь!

К ним подбежали еще несколько человек. Лапарат действительно был очень плох – из-под рассеченной кольчуги на правом боку сочилась кровь, под сердцем торчал обломок стрелы.

Натиск пиратов не ослабевал, они страстно желали овладеть царскими сокровищами и стремились к этому всеми силами, не считаясь ни с чем. Пламя пожара, так до конца и не затушенного, спалило половину парусов и оснастки обоих кораблей, но не задело воздушные шары. К счастью для противников огонь уже начал угасать сам собой, между тем как воины, охваченные безумством боя, ни на что не обращали внимания.

В самый разгар побоища на палубе вдруг появился Харат. Сонно хлопая глазами, мальчишка озирался вокруг, не понимая, что происходит.

– Ваше высочество, куда вы?! – испуганно воскликнул Дата, выбежав вслед за ним.

– Это царский наследник! – крикнул предводитель пиратов своим головорезам. – Хватайте крысеныша!

Двое пиратов бросились к мальчишке. Дата попытался остановить их, но, получив удар по голове, потерял сознание и рухнул на палубу.

Сообразив, наконец, что к чему, Харат бросился бежать от пытавшихся схватить его небесных разбойников. Проворно взобравшись по канату на мачту и цепляясь за оборванные снасти, он пробрался на самый конец реи, к пустому гнезду стрелка.

– Помогите ему! – крикнул Калидум, решив своевременно проявить преданность царевичу. – Защитите наследника!

Капитан Осмар бросился на выручку мальчишке и скрестил клинки с пиратом. Тем временем другой головорез взобрался на рею и последовал за Харатом. Он уже почти подобрался к малолетнему наследнику трона, когда в спину ему ударила стрела. Падая, пират толкнул маль-

чишку. Ноги Харата соскользнули с реи. Вцепившись в канат, царевич повис на одной руке. Но сил удержаться не хватило, пальцы мальчика разжались и затухающее багровое море облаков поглотило его. Последний крик наследника заглушил раскат грома.

Происшедшее не укрылось от глаз Калидума. Опустив меч, он пристально смотрел на то место, где только что был царевич. Задуманное коварство свершилось, путь к трону для племянника свободен, но почему-то сейчас советник не испытывал облегчения – тяжесть, давившая на сердце последние дни, наоборот, неимоверно увеличилась.

В чувство советника привел чей-то истошный вопль:

– Нас несет к Огненной горе!

Пока шел бой уже начал заниматься рассвет. Ветер сменил направление и теперь нес сцепившиеся корабли к мрачной скалистой громаде, вершину которой окутывало черное облако, столь густое и плотное, что даже ураган не смог его рассеять. Это было жуткое место, словно специально созданное на погибель всему живому. Огнедышащая гора, источающая удушливое серное испарение, будто притягивала к себе ветры и завлекала в свое жерло все, что оказывалось поблизости.

На счастье противников пожар уже почти угас сам собой, однако снасти, частью обгоревшие, а частью перепутанные, больше не позволяли управлять судами. Сцепившиеся корабли неумолимо влекло к жерлу вулкана.

– Мы все погибнем! – завопил кто-то.

– Нужно спасти государя! – крикнул Калидум.

– Поздно, – ответили ему. – Царь только что скончался.

Удушливое облако накрыло корабли. Расталкивая перепуганных насмерть людей, Калидум пробился к своему лебедю и вскочил в седло. Птица вынесла советника из черной тучи.

Полузадохшийся лебедь с трудом преодолел притяжение смертоносной Огненной горы. Оказавшись на приличном расстоянии от вулкана, Калидум развернул птицу и покругил на одном месте, ожидая, не покажется ли еще кто-нибудь. Однако никто так и не появился. Огненная гора бесследно поглотила оба корабля вместе с экипажами. Поняв, что никому больше не удалось одолеть притяжение смертоносного вулкана, советник направил лебедя к Хрустальному дворцу.

Солнце уже поднялось в зенит, когда Калидум, наконец, прибыл в сверкающую цитадель Поднебесной. Буря совсем улеглась, ничто не напоминало о ночном шторме, живописные пейзажи Поднебесной страны были все так же величественны и прекрасны. Но душу советника, отягощенную мрачными думами и муками совести уже ничто не радовало.

Ответом на недобрые вести, что принес Калидум с дальних рубежей, послужило другое горестное известие – на рассвете умерла царица Дитара. Вершины Поднебесной погрузились в печаль, нигде не слышался смех, угасло извечное веселье, всюду царило уныние.

На закате состоялся обряд прощания с усопшей царицей. Тело государыни поместили в большую лодку, туда же сложили богатые дары, что должны были послужить царице в другом мире. Воздушный шар поднял суденышко в черное небо и понес его к мерцающим звездам. Там усопшая царица должна была обрести пристанище и вечный покой, согласно древним верованиям обитателей Поднебесной.

Сотни людей, собравшихся на окрестных вершинах, вскинули руки к небу, провожая усопшую государыню в последний путь. Когда звездная чернота поглотила одинокое суденышко, на горных террасах, прямо под открытым небом, было накрыто множество богатых столов, где осиротевшие жители Поднебесной по давней традиции поминали печальными песнями своего погибшего государя, умершую царицу и старшего царевича, а так же поднимали кубки во здравие новорожденного наследника трона.

Калидум сидел один в пустом зале Хрустального дворца за огромным столом и был мрачнее тучи. Тягостные сомнения терзали душу советника. Все же он не был рожден злодеем

и муки совести не были ему чужды. Однако сделанного не воротишь, теперь оставалось утешаться тем, что он, как единственный родственник новорожденного государя и царский советник, сделался хоть и временным, но полновластным правителем Поднебесной. Это право Калидума безоговорочно признали все вельможи.

Не выдержав тягости одиночества, новоявленный регент отправился бродить по пустующим залам и комнатам Хрустального дворца. Ему не хотелось присоединяться к поминальному пиру – он уже почтил его своим присутствием, проявив уважение к памяти царской семьи – но и сидеть одному в пустом зале было невыносимо, угнетали тяжкие раздумья.

В покоях погибшего царевича Калидум наткнулся на старого Тапигина.

– Что ты здесь делаешь? – спросил регент.

– Предаюсь печали, ваша милость, – ответил лекарь, горестно вздохнув. – Жаль, царевича, такой славный был мальчуган.

– Да, – отрешенно произнес Калидум, думая о своем.

Взгляд его упал на искусно вытканый ковер, висевший на стене.

– Красивый ковер, – заметил Калидум, погладив ладонью тончайшую ткань, которая могла служить не столько ковром, сколько покрывалом или плащом. – Я слышал, что он волшебный.

– О да, – кивнул Тапигин. – Его соткала покойная мать Харата, когда носила царевича под сердцем. Царица знала толк в магии. Она вплела в ткань прядь собственных волос и наложила на ковер чары. Царица завещала ковер сыну. Известно, что ковер может летать, но к сожалению царица скоропостижно покинула наш мир, не успев поведать кому-либо свой секрет. Никто не смог заставить ковер подняться в воздух.

– Такой красивой и ценной вещи место в тронном зале, – сказал Калидум. – Скажи слугам, Тапигин, чтобы ковер перенесли туда. Он будет напоминать нам о погибшем наследнике и его царственных родителях.

– Слушаюсь, ваша милость, – ответил Тапигин. – Я распоряжусь об этом немедленно.

В этот момент в покои вошел начальник дворцовой стражи и поклонился Калидumu.

– Прошу прощения, ваша милость, я разыскивал вас.

– Что-то случилось?

– О да, ваша милость! Только что на посадочную площадку перед дворцом приземлился личный лебедь государя. На нем прибыл Дата.

– Кто?! – изумился Калидум.

– Воспитатель покойного царевича, – повторил начальник стражи.

– Хорошо, пусть его проводят в тронный зал, я приму его там.

Начальник стражи поклонился и вышел.

– Как ему удалось спастись? – удивленно спросил старый лекарь. – Может быть, выжил еще кто-то?

– Я все узнаю у Даты, – пообещал Калидум.

– Позволит ли мне ваша милость присутствовать при вашем разговоре?

– Нет, займись ковром. Мне понятны твои надежды, почтенный Тапигин, но они тщетны. Государь умер еще до того, как корабли накрыло черное облако, а гибель царевича Харата я видел собственными глазами.

Калидум поспешил в тронный зал. Известие о прибытии Даты несколько встревожило его, в сердце внезапно закрался страх. Во время ночной схватки Калидум не давал повода сомневаться в своей верности государю, но вдруг Дата мог узнать что-либо о причастности советника к гибели Лапарата, его наследника и царского корабля с дружиной. Где он пропал целый день?

Едва Калидум занял подобающее ему кресло подле царского трона, двое слуг ввели в зал воспитателя погибшего царевича. Кивком головы регент отпустил слуг. Заметив, что Дата едва

держится на ногах от усталости, Калидум пригласил его занять одно из кресел, тот с готовностью принял приглашение.

– Как вам удалось спастись, уважаемый Дата? – спросил Калидум. – Я не видел, чтобы кто-либо вырвался из черного облака вслед за мной.

– Честно говоря, я сам толком не понимаю этого. Когда я очнулся, все вокруг было в дыму. Два воина почти силой усадили меня на лебедя и подстегнули его. Полузадохшаяся птица камнем упала в облака, я думал, что неминуемо погибну. Однако лебедь собрался с силами и сумел приземлиться на скалу по ту сторону небес. Немного отдышавшись, я снова поднял лебедя над облаками в надежде, что кому-нибудь еще удалось спастись. Но увы, надежда эта не оправдалась. Огненная гора взяла свою жертву. Своей жизнью я, видимо, обязан благородству наших воинов. Потом я направился сюда. В душе моей еще теплилась надежда, что государь и мой воспитанник сумели спастись раньше. Однако, прибыв в Хрустальный дворец, я узнал горестную весть.

– Да, нас постигла тяжелая утрата, – печально произнес Калидум.

Тревога его немного улеглась, но все же в душе еще оставались сомнения – все ли поведал Дата, что знал? Когда совесть нечиста, все вокруг кажутся подозрительными. Однако Калидум ничем не выдал свое беспокойство.

– Что ж, ступайте к себе и хорошенько отдохните, – распорядился регент. – Вы сильно устали и должны набраться сил.

– Вряд ли я смогу обрести покой в стенах дворца, ваша милость, – произнес Дата. – Это может показаться нелепым, но меня одолевает какое-то смутное предчувствие, что царевич Харат все еще жив. Ведь никто не видел его мертвое тело.

– Это невозможно, – возразил Калидум. – Он неминуемо должен был разбиться о скалы в предгорьях.

– И тем не менее я хотел бы отправиться на поиски. Даже если царевич погиб, пусть его останки упокоятся в небесах, а не станут добычей горных шакалов.

Калидум хотел было снова возразить, но чуть поразмыслив, решил не препятствовать упряму. Такой поворот событий был даже на руку регенту – подозревает его Дата в чем-либо или нет, будет лучше, если он окажется далеко. Пусть отправляется на поиски. Может статься, что и сам он исчезнет бесследно. Ведь в предгорьях таится немало опасностей, там хозяйничают разбойники, злобные гномы, каменные великаны, а по ущельям бродят горные барсы и стаи шакалов.

– Что ж, если вы настаиваете, уважаемый Дата, можете отправляться на поиски в любое время. Вам дадут лучшего лебедя.

– Я бы хотел отправиться немедленно.

– Да будет так, – согласился Калидум. – Я, да и все мы будем с надеждой ждать вашего возвращения.

Оба поднялись с кресел, Калидум проводил Дату к выходу. За дверями их встретили Тапигин и слуга, бережно державший на руках сложенный ковер.

– Мы не осмелились прервать вашу беседу, ваша милость, – произнес старый лекарь. – Позволено ли нам сейчас поместить ковер на стену?

– Конечно, – кивнул Калидум.

– Это же ковер царевича Харата, завещанный ему покойной матушкой! – узнал Дата. – Он должен принадлежать лишь царевичу и более никому. Нельзя вывешивать его на всеобщее обозрение.

– Горько говорить это, но, возможно, он никогда более не понадобится своему владельцу, – ответил Калидум.

– И тем не менее это единственная память о моем воспитаннике, – заупрямился Дата. – Я не могу согласиться с таким решением, ваша милость.

Он взял ковер из рук слуги и почтительно погладил мягкую ткань ладонью. Калидума раздосадовала эта заминка, однако он ничем не выдал свое недовольство, хотя в душе проклял верноподданничество Даты последними словами. Движимый желанием поскорее спровадить упрянца как можно дальше, Калидум быстро разрешил спорную ситуацию.

– Вам так дорога эта вещь, уважаемый Дата? – спросил он.

– Не менее, чем сам царевич. Его покойная мать перед смертью возложила на меня обязанность беречь этот ковер до совершеннолетия Харата.

– Что ж, тогда возьмите его с собой. Возможно, он послужит вам в дороге.

Дата поклонился и бережно прижал к груди драгоценное полотно.

– Передай на птичник, чтобы оседлали самого лучшего лебедя, – приказал Калидум слуге. – Уважаемому Дате предстоит дальняя дорога.

Дата еще раз поклонился и в сопровождении слуги покинул дворец.

– Позволено ли мне узнать, куда он направился, ваша милость? – осторожно поинтересовался Тапигин.

– На поиски царевича Харата, – ответил Калидум. – Живого или мертвого.

– Так пусть же Небеса благоволят ему! – воскликнул Тапигин, воздев руки к сводчатому потолку. – Пусть ниспошлют они ему удачу и сохранят жизнь мальчику.

– Будем надеяться на лучшее, – произнес Калидум и до боли закусил губу.

ГЛАВА ВТОРАЯ ДИКИЙ ГОРНЫЙ КОТ

На площади перед крепостными воротами собралась изрядная толпа, люди оживленно переговаривались меж собой, предвкушая занятное зрелище. Рано утром в город приехал табор бродячих артистов и новость эта взбудоражила народ. Побросав все свои дела, жители Саремса поспешили на представление. Стражники с любопытством взирали на происходящее со стен городской крепости. Даже богатые вельможи не устояли перед соблазном и теперь топтались в первых рядах среди простолюдинов. Пожалуй, лишь один грозный герцог Орлог, правитель города, не заинтересовался представлением заезжих артистов.

Артисты не разочаровали своих зрителей. Прodelки развеселых клоунов заставляли публику хохотать до слез, дрессированные собачки вызывали восторг и умиление, лихие наездники-лилипуты верхом на пони проделывали невероятные трюки, атлеты поражали воображение своей силой, а фокусник-чародей зачаровывал толпу своими манипуляциями.

Зрители бурно аплодировали, подбадривали артистов восторженными криками. Настало время последнего, самого главного номера всего представления. На канат, натянутый меж двух высоких столбов, вступил юноша с шестом в руках. Толпа, затаив дыхание, следила за каждым его шагом. Стоило ему покачнуться и все зрители одновременно ахали, женщины закрывали глаза, некоторые хватались за сердце.

Достигнув середины каната, юноша принялся раскачиваться вверх-вниз. С замиранием сердца публика следила за его движениями. Неожиданно юноша оторвался от каната, повернулся в воздухе в другую сторону, перехватив шест над головой, и снова встал на канат. Толпа ахнула. Юноша повторил свой прыжок, вернувшись в прежнее положение, затем перекувырнулся в воздухе вперед и назад. Публика не успевала пугаться, один невероятный трюк следовал за другим.

Вдоволь пощекотав нервы изумленных зрителей, юноша отбросил шест, внизу его подхватил пожилой мужчина. Тот же мужчина бросил отважному канатоходцу три зажженных факела. Стоя на одной ноге и раскачиваясь на канате, юноша принялся жонглировать пылающими снарядами. Затем, не прекращая жонглировать, он начал прыгать на канате, касаясь его то одной ногой, то другой.

Наконец он закончил свое выступление и спустился вниз под шквал аплодисментов и восторженные крики толпы. Пожилой мужчина поклонился публике и обратился к народу:

– Почтенные жители славного города Саремса, мы рады, что смогли порадовать своим искусством вас, ваших жен и ваших детей. Но артисты тоже люди, мы должны есть и пить. Нам приятно слышать ваши рукоплескания и восторги, но не менее приятно услышать и звон монет. Пожертвуйте на благо бедных бродяг сколько посчитаете нужным.

Он принялся обходить толпу с большим медным блюдом в руках. Мелкие монеты со звоном сыпались в блюдо.

– Благодарю вас. Благодарю от всего сердца, – кланялся старик, принимая пожертвования.

Понемногу толпа разошлась, артисты принялись укладывать свой нехитрый скарб в кибитки. Старик ссыпал вырученные деньги в цветастую шаль, завязал ее узлом и положил на козлы своей повозки.

Площадь опустела, лишь какая-то девчонка лет тринадцати крутилась возле кибиток. Наблюдая, как юноша сворачивает канат, она восхищенно произнесла:

– А ты храбрый! Ведь так можно запросто свалиться и шею сломать. Как ты этому научился?

Юноша пожал плечами и просто ответил:

– Учился, учился и научился. А ты чего здесь вертишься? Тебе что, заняться нечем? Иди домой, маме помогай по хозяйству.

Девчонка опустила глаза и печально вздохнула.

– Мама умерла, – тихо сказала она.

– Извини, – смутился юноша.

– Да ничего, это давно случилось, я ее почти не помню. Я жила с бабушкой, но недавно она тяжело заболела и тоже умерла. Теперь я совсем одна.

– Так ты сирота? – юноша сочувственно покачал головой. – Я тебя понимаю, сам вырос без родителей. Как тебя зовут?

– Литина. А тебя?

– Барс.

– Странное имя, – удивилась девочка.

– Это прозвище. А имени моего никто не знает. Я попал к дядюшке Сампо в раннем детстве, он не знал моего настоящего имени, а другое дать не решился.

– Дядюшка Сампо это тот старик? – спросила девчонка, указав на пожилого мужчину.

– Да, – кивнул Барс. – Он меня вырастил и придумал мне такое прозвище.

– Тебя правильно прозвали, – одобрила Литина. – Ты действительно ловкий, как горный кот. А что это у тебя такое?

Она ткнула пальцем в затейливый амулет на груди Барса.

– Из чего это сделано?

– Говорят, что это зубы небесных змеев, – ответил Барс не без некоторой гордости. – А как этот амулет оказался у меня я не знаю. Он у меня с самого детства. Наверное достался от родителей.

– Послушай, Барс, возьмите меня с собой, – неожиданно попросила Литина.

– А что ты умеешь делать? – поинтересовался юноша.

– Ничего такого, но я могу чему-нибудь научиться.

– Извини, Литина, но дядя Сампо не согласится. Мы едва можем прокормить сами себя, нам не нужны лишние едоки.

– Я вам пригожусь, – настаивала девочка. – Я буду стирать, готовить. И ем я мало.

– Нет, Литина, тебе придется самой о себе позаботиться. Я вижу, ты хорошая девчонка и ты мне нравишься, но мы не сможем взять тебя с собой. Извини.

Литина хотела еще что-то сказать, но в этот момент послышался сердитый голос старого Сампо:

– Барс! Хватит трепаться! Помоги мне вытащить этот проклятый столб!

Юноша поспешил на помощь своему воспитателю. Вдвоем они вытащили столбы из земли и уложили их в повозку.

– Зачем мы всюду возим с собою эти бревна? – недовольно спросил Барс, переводя дух. – Не проще ли срубить стволы на месте или использовать в качестве столбов деревья?

– Ты не умничай, – проворчал старый Сампо. – Все бы только языком чесал с красотками, зубы им заговаривал да в кусты тащил.

– Дядя Сампо, побойся Небес! – возмущенно воскликнул юноша. – Она же совсем ребенок! Мы просто разговаривали. Кстати, куда она делась?

Барс огляделся по сторонам, Литины нигде не было видно.

– Ушла, – удрученно пробормотал он. – Она просилась ехать с нами, а я ей отказал. Обиделась, наверное. Жаль, что так вышло.

– Правильно сделал, что отказал, – продолжал ворчать старик Сампо. – Сами не каждый день досыта едим. Все, поехали отсюда. Поехали, поехали! – крикнул он своим товарищам.

Артисты забрались в свои кибитки. Табор готов был тронуться в путь, но в этот миг послышался раздраженный вопль старика Сампо:

– Проклятие! Кто взял выручку?! Признавайтесь!

Артисты высунулись из своих кибиток, у всех на лицах было написано недоумение. Но Сампо уже и сам понял, что его товарищи не имеют отношения к пропаже денег.

– Это та девчонка! – догадался он. – Не зря она тут крутилась. Вот маленькая дрянь! То-то она мне сразу не понравилась. Проклятая воровка! Она оставила нас нищими!

– Не может быть, – ошеломленно пробормотал Барс. – Она такая милая...

– Еще как может! – рявкнул Сампо, распаляясь все больше. – Милая, – передразнил он воспитанника, скорчив гримасу. – Развесил уши, дурак! Не барс, а глупая курица! Она тебе, недоумку, зубы заговорила и свистнула все наши денежки.

– Может быть стоит заявить об этом местному судье? – робко спросил один из артистов, кивнув в сторону крепости.

– Беды бродяг не интересуют ни герцогов, ни судей, – ответил старик.

Барс спрыгнул с повозки.

– Куда собрался? – раздраженно спросил Сампо.

– Езжайте, – сказал Барс. – Ждите меня за городом. Я найду эту девчонку и все верну.

– Да где ты ее найдешь? – старик махнул рукой. – Это город, а не деревня, здесь человека просто так не отыщешь.

– Найду, – решительно заверил старика Барс и зашагал в глубь города.

Старик сокрушенно покачал головой и крикнул своим товарищам:

– Ну, чего рты разявили?! Едем!

Кибитки друг за другом потянулись к городским воротам.

Расставшись с товарищами, Барс направился через город к базарной площади. Ему уже довелось много путешествовать и по опыту он знал, что в таких местах обычно можно узнать все обо всем. Надежда, конечно, была слабая, но все же... Происшедшее оставило неприятный осадок в душе, угнетало чувство, будто стал жертвой гнусного предательства. Барс вырос сиротой и всегда мечтал иметь настоящую семью – родителей, братьев и сестер. В Литине он неожиданно встретил родственную душу, проникся симпатией и доверием к общительной девчонке. А она так бессовестно обокрала его и его товарищей.

Оказавшись в базарной толчее, Барс поискал глазами, кого бы расспросить, и вдруг увидел Литину. Девчонка крутилась возле лавки булочника. Оглянувшись, она тоже заметила Барса, в ее глазах мелькнул испуг. Девочка нырнула в толпу, попытавшись скрыться, однако цепкий взгляд Барса не упускал ее. Юноша устремился вслед за Литиной, расталкивая встречаемых людей.

Он настиг девчонку у лотков с фруктами и крепко ухватил ее за худенькое плечико.

– Не спеши, – строго сказал юноша. – Нужно поговорить.

– О чем? – спросила Литина, изобразив недоумение.

– Сама знаешь, о чем.

Барс отвел девчонку в сторону, где было поменьше народу, по-прежнему крепко держа ее за плечо.

– Сейчас же отдай наши деньги, – потребовал юноша.

– Какие еще деньги? – удивилась Литина. – Тебе что, голову напекло?

– Не притворяйся. Я точно знаю, что это ты украла всю нашу выручку за сегодняшнее выступление. Оказывается ты не только воришка, но еще и лгунья. Мы заработали эти жалкие гроши тяжким трудом, а ты взяла и все стащила. Отдавай без разговоров!

Литина опустила голову и пробормотала:

– Я не могу.

– Ах так?! Вот я сейчас надеру тебе уши, а потом отведу к судье. Ты знаешь, как наказывают воров?

– Не делай этого, – взмолилась Литина. – Пожалуйста.

– Тогда верни мне все, что украла у нас, – снова потребовал Барс. – Немедленно.

– Я правда не могу, – пробормотала девочка и всхлипнула.

– Зареви еще, – со злостью произнес Барс. – Не надейся разжалобить меня своими лживыми слезами.

Литина закрыла лицо ладонями, ее худенькие плечики задрожали. Барс слегка растерялся.

– Эй, да ты чего? – пробормотал он, чуть тряхнув Литину за плечи.

– Прости меня, Барс, – сквозь слезы проговорила девочка. – Это действительно я украла ваши деньги. Я знаю, что совершила бесчестный поступок, мне очень жаль. Но мне пришлось это сделать. Когда болела бабушка, нам пришлось влезть в долги к ростовщику. Он уже забрал нашу лачугу, мне приходится ночевать на улице, но это не покрыло долг. Он требует расплаты и угрожает сделать меня своей наложницей. Я боюсь его. Я хотела уехать с вами, но ты же отказал. Мне пришлось совершить кражу, чтобы расплатиться с ростовщиком. У меня больше нет ваших денег. Прости меня, Барс.

– Не верю ни единому твоему слову, – жестко сказал юноша.

– Да, я не заслуживаю твоего доверия, – ответила девочка, утирая слезы ладошками. – Но это правда. Прости меня, Барс.

– Вот заладила, прости да прости. Что толку с моего прощения? Я и мои товарищи работали весь день, а теперь оказалось, что впустую. Нам придется жить впроголодь до той поры, пока не приедем в другой город и не выступим там.

– Я не подумала об этом, – прошептала Литина, опустив глаза. – Мне очень стыдно. Прости.

– Чего уж теперь, – уныло произнес Барс и махнул рукой. – Ладно, будь здорова.

Он повернулся и зашагал прочь.

– Барс, подожди! – окликнула его Литина.

Юноша оглянулся.

– Чего тебе?

– Не уходи. Я постараюсь все исправить.

– Как? Обчистишь карманы какого-нибудь бедолаги? Нет уж, не надо.

Мучимый тяжкими раздумьями о дальнейшей судьбе, своей и своих товарищей по ремеслу, Барс отправился бесцельно бродить по рынку. Его еще больше раздосадовала новая встреча с Литиной – воровку нашел, а ничего сделать не смог. Конечно, стоило бы отвести девочку к судье, там ей воздали бы по заслугам. Вернуть похищенные деньги это вряд ли помогло бы, но хотя бы восторжествовала справедливость. А с другой стороны – жаль калечить ребенка из-за горсти монет, ведь закон суров, вора́м отрубают правую руку.

Барс тяжело вздохнул. С утра во рту не было маковой росинки и сейчас, при виде разных вкусовностей на лотках торговцев, его начало мутить. Однако в пустых карманах гулял ветер, утолить голод было не на что. Пора было возвращаться в табор. Предстояло еще непростое объяснение со сварливым стариком Сампо.

Неожиданно внимание Барса привлек шум. Совсем неподалеку поднялись крики, возникла толчея. Движимый любопытством юноша пробился сквозь толпу и увидел как какой-то человек в богатых одеждах держит Литину за руку, охаживая ее плетью. Девчонка извивалась всем телом, пытаясь вырваться, и кричала от боли.

– Эй! Что происходит?! – негодуя воскликнул Барс.

– Господин Менгир, приказчик помещика Тилпа, поймал воровку, – пояснили из толпы. – Она пыталась стащить его кошель.

Не раздумывая, Барс бросился вперед и вырвал плеть из руки Менгира.

– Довольно! – крикнул он. – Девчонка виновата, но нельзя же забивать ее до смерти.

– Не лезь не в свое дело, бродяга! – рявкнул Менгир.

Двое слуг приказчика схватили Барса за руки, Менгир отобрал у него свою плеть и хлестнул парня по лицу. Такого оскорбления гордый юноша не мог снести. Оттолкнув слуг, он ударил Менгира кулаком в зубы так, что тот опрокинулся на землю. Слуги вновь набросились на Барса, завязалась драка. Литина попыталась прийти парню на помощь, но получив от кого-то оплеуху, растянулась в пыли.

Поднялся невообразимый шум, зеваки улюлюканьем подбадривали драчунов. Симпатии толпы явно были на стороне ловкого юноши – несмотря на численное превосходство противников, исход схватки определенно складывался в его пользу. Но в самый разгар потасовки появились пятеро стражников и растащили противников в стороны.

– Что здесь происходит? – сурово спросил старший страж.

– Эта девка пыталась обокрасть меня! – гневно крикнул Менгир, утирая кровь с разбитой губы. – А этот парень ее сообщник!

– Что ты такое говоришь?! – возмутился Барс. – Какой еще сообщник? Я всего лишь не позволил тебе покалечить беззащитного ребенка.

– Арестовать этих двух, – распорядился начальник стражи, указав своим подчиненным на Барса и Литину. – Судья во всем разберется.

– За что вы меня-то хотите арестовать?! – снова возмутился Барс, отталкивая стражей порядка. – Я здесь вообще ни при чем.

– Не смей препятствовать правосудию, – грозно произнес старший страж. – Может быть ты и невиновен, но это решать судье. А за сопротивление закону ты можешь быть наказан.

Стражники скрутили обвиняемых и вывели их с базарной площади. Обоих препроводили в городскую крепость, ту самую, у ворот которой Барс плясал на канате перед публикой совсем недавно. Каменная цитадель служила защитой горожанам в лихие годы, а заодно и тюрьмой для провинившихся. Арестованных впахнули в тесный сырой каземат и затворили обитую железом дверь.

Оглядев мрачное помещение, погруженное в полутьму, Барс тяжело вздохнул и сел прямо на холодный каменный пол. Литина несмело приблизилась к нему.

– Тебе больно, Барс? – участливо спросила девочка, осторожно коснувшись ссадины на его щеке.

– Отойди от меня, – сердито произнес юноша, отвернувшись от нее в другую сторону. – Не хочу ни видеть тебя, ни слышать. Угораздило меня связаться с малолетней воровкой. Только и думаешь, как бы где чего стибрить. Все беды от тебя. Сперва обокрала, теперь вот здесь из-за тебя оказался.

– Я не звала тебя на помощь, – пробурчала девочка.

Юноша ничего не ответил, лишь скрипнул зубами от злости. Литина вздохнула и тихо сказала:

– Прости меня, Барс. Я просто хотела вернуть вам хоть часть ваших денег. Менгир от этого не обеднел бы. Не получилось.

– Да уж! – фыркнул Барс. – Какой только дьявол сбросил тебя на мою голову? Ты приносишь мне одни несчастья.

– Я же хотела как лучше.

– Лучше было держать свои руки при себе, а не шебуршить ими в чужих карманах. Все, знать тебя больше не желаю. Не смей со мной разговаривать, даже не смотри в мою сторону.

Литина снова тяжело вздохнула, отошла от Барса и присела на корточки в углу каземата.

Так в полном безмолвии они просидели весь оставшийся день. Когда за крохотным зарешеченным оконцем начали сгущаться сумерки, дверь каземата отворилась и двое стражников

отвели арестантов в большой зал, где в посеребренном кресле гордо восседал седовласый мужчина в черной мантии.

– Поклонитесь его милости, – сурово потребовал один из стражей. – Это судья Дитор, хранитель законности и вершитель правосудия города Саремса.

Барс и Литина послушно склонились перед всемогущим судьей.

– Вы оба обвиняетесь в покушении на казну благородного господина Тилпа и разбойном нападении на его приказчика господина Менгира, – строго произнес судья Дитор. – Можете что-либо сказать в свое оправдание?

– Какая там казна? – тихонечко пробормотала Литина. – Всего-то несколько монет.

– Я не имею никакого отношения к краже, – сказал Барс. – Я всего лишь заступился за девочку. А Менгир сам напал на меня.

– Он говорит правду, ваша милость, – честно призналась Литина. – Кражу совершила я одна, этот человек здесь ни при чем.

– Однако чуть ранее люди видели вас вместе, – сказал судья. – Вы разговаривали незадолго до происшествия, а значит, могли договориться меж собой. Я признаю вас обоих виновными.

– Это несправедливо! – возмущенно воскликнул Барс.

– Молчать! – рявкнул Дитор. – Его светлость герцог Орлог облек меня властью решать, что справедливо, а что нет в стенах этого города. По закону каждому из вас следовало бы отрубить правую руку. Но уважаемый господин Менгир проявил снисходительность и взял вас под свою опеку. Вы оба приговариваетесь к каторжным работам в поместье господина Тилпа сроком на шесть месяцев. Отработаете то, что украли. Увести их.

Стражники вывели приговоренных во двор крепости, где их уже ждала повозка и Менгир со своими слугами. Барса и Литину усадили в повозку и приковали цепями к бортам.

– Зря ты вмешался, парень, – недобро сказал Менгир Барсу. – Получила бы твоя подружка десяток-другой плетей, не померла бы, зато сейчас вы оба были бы на свободе. На нее я уже почти не сержусь, а вот ты... – он многозначительно ухмыльнулся, коснувшись пальцами своей разбитой губы, – ты хлебнешь горя сполна. Это я тебе обещаю.

Менгир и его слуги вскочили в седла. Повозка загрохотала по булыжной мостовой вслед за всадниками, маленький отряд выехал за крепостные ворота, а вскоре покинул и городские стены.

Глубокой ночью лошади втянули повозку во двор огромной усадьбы. Барса и Литину препроводили под навес и приковали к каменной стене.

– Утром я приду за вами и укажу, где вы будете работать, – сказал Менгир. – А пока можете спать и набираться сил, с утра они вам очень понадобятся.

Сказав это, Менгир ушел прочь. Слуги последовали за ним, оставив осужденных в одиночестве.

Лежа на охапке соломы, Барс смотрел в темноту. Сон не шел, не давали покоя мрачные думы, слишком уж много всего не самого лучшего произошло за день. Случившееся казалось сумасшедшим бредом. Вроде бы совсем недавно он удивлял публику своей ловкостью, танцуя на канате, и чувствовал себя вольным, словно птица. Потом появилась проклятая девчонка и все пошло кувырком. Итог – он в цепях и вряд ли выберется из них очень скоро. На целых полгода его безвинно приговорили к рабству.

До слуха Барса донеслись всхлипы. Литина тихо плакала в своем углу. Юноша все еще был зол на девочку, за время пути он ни разу не заговорил с ней, даже не взглянул в ее сторону. Но сейчас вдруг захотелось приободрить Литину, утешить ее добрым словом. Однако он не поддался жалости и подавил в себе это чувство. Ничего, пусть поплачет, сама во всем виновата. Влипла в историю, еще и его втравила.

Барс отвернулся к стене и закрыл глаза.

На рассвете их обоих разбудили грубыми пинками и выволокли во двор.

– Ты пойдешь работать в поле, – объявил Менгир Литине. – Махать мотыгой у тебя, пожалуй, силенок не хватит, будешь разносить рабам воду. А ты... – он зловеще взглянул на Барса. – Ты пойдешь на конюшни. А чтобы ты не вздумал дать деру, придется поносить вот это.

Слуги надели на правую голень юноши тяжелую колодку и захлопнули массивный замок. Ключ Менгир сунул себе за пояс.

– Если будешь работать плохо, парень, я накажу тебя, – предупредил Менгир. – Можешь приступать.

Слуги повели Барса к конюшням.

Весь день юноша не выпускал лопату из рук, вычищая стойла. Наваливая навоз, перемешанный с соломой, в тачку, он отвозил его во двор и там перегружал в большую телегу. От голода и нестерпимой вони кружилась голова, колодка натирала ногу, от усталости хотелось упасть и умереть на месте. Но Барс терпел все, стиснув зубы.

Его напарник, уже немолодой раб по имени Гистин, полюбопытствовал:

– Как ты здесь оказался, парень?

– По недоразумению, – неохотно ответил юноша.

– Как и большинство всех, кто сюда попал, – усмехнулся Гистин.

– Ничего, полгода можно и потерпеть, – пробурчал Барс.

– Не будь так наивен, парень. Свободы тебе уже не видать.

– Почему это? – насторожился Барс.

– Хозяин не отпустит. Меня приговорили к месяцу каторги, а я здесь уже пять лет.

– Как же так?! – от удивления Барс даже выпустил лопату из рук.

– А вот так. Помещикам нужна дармовая рабочая сила, а герцогу Орлогу нужны деньги. Вот наш хозяин и выкупает осужденных у правителя города, так же, как и остальные плантаторы. Такая между ними договоренность. А потом находят грехи, за которые срок каторги продлевается, а то и вовсе без причины превращают в рабов навечно. Но здесь не самое худшее место. Тебя могли бы отправить в каменоломни, а там ты не протянул бы и двух месяцев.

– И ты не пробовал бежать?

– Куда? Кругом плантации таких же богатеев, как наш Тилп. Изловят и вернут хозяину. А беглых рабов забивают до смерти. У нас есть только одно право – работать пока не подохнем. Да и зачем мне бежать? Здесь меня кормят, у меня есть собственная хижина, где я живу с семьей. Смирись и ты, парень.

– Никогда! – воскликнул Барс. – Я все равно вырвусь отсюда. Я рожден свободным и не собираюсь подыхать в рабстве на радость хозяину. Я сбегу отсюда.

– Желаю удачи, – язвительно произнес Гистин. – Но думаю, тебе будет очень трудно сбежать отсюда с этой штукой на ноге. Я заметил, что Менгир озлоблен на тебя. Если будешь его раздражать, с тебя никогда не снимут колодку.

Снаружи прозвучал гонг.

– Идем, – позвал Гистин. – Это нас сзывают на обед.

Он первым вышел из конюшни, Барс неуклюже заковылял следом, поддерживая колодку за цепь.

Но едва юноша добрался до своего места на краю длинного стола, во двор въехал Менгир. Спешившись, он отыскал взглядом Барса и крикнул ему:

– Эй, ты! Почисти коня и накорми! Да поживее!

Барс бросил вожделенный взгляд на миску с просяной кашей, предназначавшуюся ему, и спросил:

– А нельзя ли чуть попозже? Я еще сам голоден.

Недобро ухмыляясь, Менгир подошел к столу, взял миску Барса и перевернул ее вверх дном.

– Считай, что ты уже наелся. Живо за работу, если не хочешь отвесть плетей.

Барс сжал кулаки. Он готов был разбить приказчику физиономию и сломать все ребра, но сдержался. В голове созрел другой план мести. Юноша взял вороного за узду, Менгир же, снова ухмыльнувшись, отправился со старшим конюхом на осмотр хозяйственных построек.

Когда спустя некоторое время Менгир вернулся, его вороной был готов к дальнейшему пути.

– Свободен, – надменно и презрительно сказал приказчик Барсу и вставил сапог в стремя. Юноша отошел к столу.

– Хотите посмеяться, парни? – тихонько спросил он рабов.

– Ты что-то сделал? – испугался Гистин.

– Так, небольшой сюрприз для благородного господина.

Тем временем Менгир вскочил в седло. В тот же миг конь дико заржал и взвился на дыбы, попытавшись сбросить своего седока. Менгир обнял его за шею. Это был опытный наездник, его не так-то легко было выбить из седла. Конюхи и надсмотрщики бросились на помощь своему господину, но взбесившийся жеребец закрутился волчком, не подпуская к себе никого. Он то взбрыкивал задними ногами, то поднимался на дыбы. Наконец ему удалось освободиться от своей ноши – Менгир вылетел из седла и шлепнулся лицом в навозную кучу.

Рабы отвернулись, пряча улыбки, Барс же откровенно хохотал, глядя на барахтавшегося в навозе приказчика. Двое слуг помогли своему господину выбраться из зловонной кучи. Конюхи поймали коня. Один из них, догадавшись в чем дело, сунул руку под попону и извлек оттуда колючку. Конь сразу успокоился.

Менгир взглянул на хохочущего Барса и сразу все понял.

– Ты?! – злобно прошипел он. – Это твоих рук дело! Выпороть этого мерзавца!

Двое громил схватили юношу и привязали его к столбу. Засвистели плети, вспарывая кожу на спине Барса.

– Посмотрим, как ты теперь посмеешься, – со злобой произнес Менгир, наблюдая за истязанием. – Я научу тебя почтению, негодяй.

– Сперва отмойся, благородный господин, – сквозь зубы посоветовал Барс. – Ты воняешь.

– Всыпьте ему как следует! – заорал Менгир, придя в бешенство.

Стиснув зубы, Барс молча принимал все удары. Когда его спина превратилась в кровавое месиво, а глаза уже ничего не видели от боли, Менгир остановил надсмотрщиков.

– Довольно! Мне он нужен живым. Смерть слишком легкое для него наказание.

Полубесчувственного юношу окатили холодной водой, затем уволокли под навес и бросили на солому. На всякий случай его приковали цепью к стене, после чего оставили в одиночестве. Барс впал в забытие.

Ночью его покой был нарушен чьим-то появлением, но сил проснуться окончательно не было. словно в бреду он чувствовал сквозь сон как кто-то осторожно омывает его истерзанную спину теплой водой. Затем незнакомый лекарь накрыл юношу мягким полотном и, осторожно ступая, ушел прочь. Барс снова провалился в бездну забытия.

Очнувшись на рассвете, он обнаружил рядом с собой чашку с водой и краюху хлеба. Неизвестный благодетель позаботился не только о спине наказанного раба, но и о его желудке.

Едва Барс покончил со скудным завтраком, явились двое надсмотрщиков и под руководством самого Менгира отвели юношу в кузню.

Из-под длинного навеса, откуда раздавался звон молотов, бьющих по наковальням, и веяло жаром пылающих горнов, навстречу приказчику вышел старший кузнец, уже седой старик, и поклонился.

– Этот парень будет работать здесь, – сказал Менгир, указав кузнецу на Барса. – Не давай ему никаких поблажек, пусть машет молотом, пока не свалится с ног.

– Слушаюсь, мой господин, – ответил старик, снова поклонившись.

Старший кузнец повел было парня за собой под навес, но в этот момент послышался стук копыт и из-за холма появилась колесница, запряженная парой гнедых коней. Экипаж сопровождали четверо верховых. Колесница остановилась напротив кузни, с нее сошел тучный человек в парчовых одеждах, переливавшихся под солнцем. Его толстые пальцы сверкали золотыми перстнями с бриллиантами, на широкой груди блистала золотая цепь.

– Всех сюда, – приказал Менгир и поспешил к приехавшему.

Звон в кузне утих, кузнецы, молотобойцы и подмастерья высыпали наружу и низко склонились в почтительном поклоне.

– Не стой как столб, – подтолкнул старик Барса. – Поклонись. Это сам господин Тилп, наш хозяин.

Хозяин поместья оглядел работников и лениво поманил пальцем старшего кузнеца. Старик поспешно засеменил к господину и снова склонился перед ним.

– Я недоволен тобой, – строго сказал Тилп. – У гнедого, которого вчера подковали твои молодцы, сломалась подкова. Конь споткнулся, я мог пострадать.

– Прошу прощения, ваша милость, – раболепно пробормотал старик, склонившись еще ниже. – Мы сейчас же все исправим.

– Мне придется тебя наказать, – продолжал Тилп. – Дать ему плетей, – кивнул он Менгиру.

– Хозяин не в духе, – тихонько пробормотал один из кузнецов. – Видно, плохо спал этой ночью. Ох и достанется сейчас старому Слоттеру.

По знаку Менгира двое надсмотрщиков сбили старика с ног и принялись хлестать его плетями. Один из кузнецов шагнул было вперед, но товарищ удержал его и прошептал:

– Что ты делаешь? Стой на месте.

– Но это же я подковывал гнедого. Слоттер здесь ни при чем.

– Хозяину на это наплевать. И старику не поможешь, и самого изобьют до полусмерти.

Кузнец закусил губу и опустил голову. Оглянувшись на него, Барс вдруг подхватил свою колодку и зашагал к колеснице.

– Эй! – крикнул он возмущенно. – Как вам не совестно избивать старого человека?! Удалили пару раз и довольно. Ничего страшного не случилось, он не заслужил такого наказания.

Надсмотрщики слегка растерялись от такой дерзости и опустили плети. Тилп нахмурился.

– Это еще кто такой? – раздраженно спросил он приказчика. – Как его имя?

– Его зовут Барс, – процедил Менгир сквозь зубы, с ненавистью глядя на юношу.

– Гордое имя для гордого человека, – заметил хозяин поместья. – Но рабу не к лицу гордость и непочтительность. Охлади его пыл, Менгир.

– Не сомневайтесь, ваша милость, – заверил приказчик хозяина. – Я собою спесь с этого горного кота. Он научится уважать своего господина.

По приказу Менгира надсмотрщики сняли с Барса колодку, затем привязали его за руки к седлу одного из коней. Вскочив в седла, они пустились вскачь, увлекая юношу за собой. Пробежав несколько шагов, Барс споткнулся и упал. Всадники потащили его за собой, поднимая клубы пыли.

Проскакав пару миль, надсмотрщики остановили коней у водяной мельницы на берегу реки. Барс едва мог дышать, глотку забила пыль, а все тело покрылось ссадинами. Подхватив полубесчувственного юношу, громилы уволокли его к плотине и там привязали к мельничному колесу.

– Запылился ты, приятель, – с ухмылкой заметил один из них. – Надо бы отмыться.

Надсмотрщики спустили колесо с тормоза, оно заскрипело, придя в движение, и юноша скрылся в водопаде, низвергающемся с плотины. Вскоре его вынесло из воды с другой стороны.

– Ну, как? – с издевкой осведомился один из мучителей. – Хороша водичка?

– Неплохо, – отозвался Барс, тяжело дыша и отплеываясь от воды. – Можете присоединиться, здесь места всем хватит.

– Наслаждайся в одиночестве. Купайся на здоровье, колесо в твоём распоряжении до самого заката. Только не вздумай подохнуть от удовольствия.

Весь день скрипело мельничное колесо, то погружая юношу в мутную воду, то вновь подставляя его распятое тело палящему солнцу. Надсмотрщики сидели на берегу и играли в кости, наблюдая за своим подопечным. Лишь когда красный солнечный диск коснулся горизонта, они застопорили мельничный механизм и сняли юношу с колеса. Бросив бесчувственное тело поперек седла, надсмотрщики повезли его в усадьбу.

На ночь Барса приковали к стене все под тем же навесом. Проснувшись утром, он, как и в прошлый раз, обнаружил рядом чашку с водой и ломоть хлеба. Какой-то сердобольный незнакомец вновь позаботился о нём.

Вскоре появился Менгир и объявил:

– Хозяин приказал отправить тебя на поля. Это твой последний шанс. Если ему на тебя пожалуются, хозяин продаст тебя в каменоломни. Там ты очень скоро сдохнешь, несмотря на всю свою упертость. Можешь не верить, но если это случится, мне будет очень жаль.

– Почему? – поинтересовался Барс.

– Потому, что мне хочется самолично раздавить тебя, червь, – злобно прошипел Менгир. – Сначала сломить твой дух, твою непомерную гордость, а потом, когда ты превратился бы в жалкую дрожащую тварь, уничтожить и тебя самого. Поднимайся! – он пнул Барса под ребра. – Тебя ждет мотыга!

Два мордovorота снова надели на ногу Барса тяжелую колодку и доставили его в поле, где несколько десятков людей, вооруженных мотыгами и колотушками, разбивали пласты земли, вывороченные плугом при вспашке. Старший надсмотрщик вручил юноше мотыгу и указал его место в цепи рабов.

– Запомни, парень, приглашение на обед прозвучит не для тебя, – предупредил старший надсмотрщик. – До заката ты не получишь ни крошки хлеба, ни капли воды. Такого распоряжение хозяина. Я лично буду наблюдать за тобой. Если замечу, что ты ленишься, познакомись с моим хлыстом.

Барс принялся за работу. Избитое за два дня тело болело от пяток до макушки, колодка растирала ногу в кровь, солнце жгло обнаженную спину, пыль скрипела на зубах. Но Барс молча терпел все мучения, жаловаться и возмущаться все равно было бесполезно. Краем глаза он вдруг заметил старую знакомую – среди рабов ходила Литина с кувшином в руках и поила их. Девочка тоже заметила юношу. Поймав ее взгляд, Барс поспешно отвернулся. Он совсем не обрадовался встрече, ведь именно из-за этой девчонки он и оказался здесь.

К полудню Барс уже еле держал мотыгу в руках. Его шатало от голода и изнеможения, перед глазами все плыло, плечи горели от палящих солнечных лучей, глотка слиплась от жажды, а ладони покрылись кровавыми мозолями.

Неожиданно кто-то тронул его за руку. Барс обернулся и увидел перед собой Литину. Девочка протянула ему кувшин.

– Пей.

Барс отвернулся было, но девочка не отступала.

– Пей, говорю. Ты скоро свалишься с ног.

– Разве ты не знаешь, что мне запрещено давать воду? – просипел Барс.

– Пей, пока надсмотрщики не видят.

Юноша взглянул на старшего надсмотрщика, тот действительно отвернулся, занятый разговором со своим помощником. Барс принял у Литины кувшин и припал к нему губами. Живительная влага полилась в иссохшую глотку.

Вдруг послышался свист хлыста, Литина вскрикнула от боли. Старший надсмотрщик заметил нарушение порядка и поспешил покарать ослушников. Он снова замахнулся. Барс отбросил кувшин в сторону и, загородив собою Литину, принял удар на свои плечи. Перехватив хлыст, Барс дернул надсмотрщика на себя, тот упал лицом в землю.

Подбежали еще двое надсмотрщиков и, сбив Барса с ног, принялись избивать его.

– Не надо! – крикнула Литина.

Она бросилась на помощь Барсу, но получила оплеуху и растянулась на земле.

Избитого юношу уволокли на двор усадьбы. Там, основательно отхлестав плетью, его приковали цепями к столбу, где и оставили.

Среди ночи Барс услышал осторожные шаги. Из темноты появилась Литина и, крадучись, пробралась к столбу.

– Барс! – шепотом окликнула она своего защитника. – Ты слышишь меня?

– Опять ты, – устало прохрипел Барс. – Чего тебе еще?

– Ты все еще сердишься на меня?

– У меня уже нет на это сил.

– Ты должен бежать, – сказала Литина.

– Это еще зачем? – насмешливо спросил Барс. – Мне вроде бы и здесь не плохо. Вишу себе на свежем воздухе, отдыхаю.

– Прекрати свои шуточки. Я знаю, ты злишься на меня, но я желаю тебе только добра. Я слышала, что завтра тебя отправят в каменоломни. Хозяин велел продать тебя.

– Ну и что с того? Проживем и там. Хоть не буду видеть ни тебя, ни Менгира.

– Тебе что, совсем мозги отшибли?! – возмущенно прошипела Литина. – Там люди мрут как мухи от непосильной работы. А с твоим характером тебя сживут со света в два счета. Ты должен бежать. Город недалеко, быть может, твой дядя Сампо все еще ждет тебя там с табором.

– Сейчас отдышусь и пойду, – насмешливо проворчал Барс. – Вот только от столба отковыряться не смогу, а с ним идти будет, пожалуй, тяжеловато.

– Прекрати же, наконец, свои шутки, – сердито потребовала девочка. – От кандалов я тебя освобожу, не беспокойся.

Стараясь не шуметь, Литина подкатила к столбу пустой бочонок и взобралась на него. В ее руке звякнула связка ключей. Немного повозившись, девочка разомкнула кандалы на руках Барса. Затем ключом из той же связки освободила его и от колодки.

– Где ты раздобыла ключи? – удивился Барс.

– Я их украла, – спокойно ответила девочка.

– Ах да, конечно. Как я сам не догадался?

– Не издевайся.

Литина проводила Барса до невысокой каменной ограды и посоветовала напоследок:

– Иди через виноградники. Там легче укрыться в случае опасности. А дальше начинаются сады, они примыкают к роще у реки. Иди.

– Это ты приходила ко мне под навес? – спросил Барс, внезапно догадавшись, кто заболел о нем по ночам.

Литина молча кивнула.

– Пойдем со мной, – позвал ее Барс.

– Нет, – отказалась Литина. – Я буду только мешать тебе. Не бойся за меня, я здесь не пропаду. Иди.

– Благодарю тебя за все, Литина, – прошептал Барс, прижав девочку к сердцу. – Я всегда буду помнить тебя. Извини, что ругал тебя все время. Жаль, что у меня нет такой сестренки. Прощай.

– Иди, – поторопила его Литина.

Бесшумно перевалившись через ограду, Барс растворился в темноте. Глядя ему вслед, Литина вдруг всхлипнула и утерла слезу ладошкой.

Покинув усадьбу, Барс до самого рассвета осторожно пробирался через виноградники и сады к границам поместья. Восход солнца он встретил в густых зарослях на берегу широкой мелководной речки. Омыв раны в холодной воде, юноша растянулся на траве под кустами, решив позволить небольшой отдых своему измученному телу, и незаметно для себя самого уснул.

Очнувшись он внезапно, услышав пронзительный крик. Кажется, кричала женщина. Солнце уже высоко поднялось над равниной, Барс провел в беспамятстве немалое время.

Крик повторился. Определенно, это кричала женщина и она была чем-то сильно напугана. Выбравшись из зарослей, юноша окинул взглядом окрестности. Совсем рядом с его укрытием пролежала широкая дорога, по ней мчалась колесница, запряженная парой вороных жеребцов, за возком тянулся шлейф пыли. С первого взгляда можно было понять, что конями никто не управляет и мчатся они сами по себе. Колесницу подбрасывало на ухабах, находившаяся в ней женщина судорожно вцепилась в борта своего возка и пронзительно кричала от страха. Где-то вдали в клубах пыли угадывались всадники – видимо, они пытались догнать колесницу, но явно без особого успеха.

Недолго думая, Барс бросился наперерез взбесившимся коням. Рискнув быть растоптанным, юноша прыгнул вороным навстречу и повис между ними, вцепившись в упряжь и пытаясь своим весом пригнуть головы коней к земле. Не скоро Барсу удалось справиться с испуганными животными, они протащили его по дороге порядочное расстояние, прежде чем, наконец, остановились.

Разжав пальцы, Барс без сил рухнул в пыль у копыт коней. Послышались легкие шаги, женщина спустилась с колесницы и подбежала к своему спасителю.

– Ты жив, отважный юноша? – услышал Барс нежный испуганный голосок.

Он открыл глаза и, прикрыв их ладонью от солнца, взглянул на хозяйку вороных. Рядом на корточках сидела юная хрупкая девушка. В своих легких белых одеждах она казалась сказочным ангелом и Барс готов был поклясться собственной жизнью, что нет на свете более прекрасного создания.

– Кто ты, прекраснейшая? – ошеломленно пробормотал он, не отрывая взгляд от ее черных глаз, бездонных как звездное небо. – Я уже умер или это ты сошла с небес? Как твое имя?

Девушка смутилась и, потупив взгляд, ответила:

– Меня зовут Милана. Вставай, пожалуйста.

Она помогла Барсу подняться на ноги. В этот момент послышался стук копыт, отряд всадников наконец догнал колесницу. Их предводитель – огромный воин, закованный в броню доспехов, спешил и, схватившись за рукоять своего внушительного меча, свирепо прорычал:

– Этот простолюдин оскорбил вас, ваше высочество?

– Нет-нет, – поспешно ответила девушка, жестом остановив своего ревнивого телохранителя. – Он спас меня, Надим.

– Но что же случилось, ваше высочество? Почему кони понесли?

– Они увидели степного волка и испугались, а я выронила поводья. Ты был прав, Надим, мне не следовало отпускать возничего. Если бы не этот отважный юноша, я бы наверняка погибла. Он достоин награды.

– Наградим, ваше высочество, – заверил Надим госпожу, смерив ее спасителя недоверчивым взглядом. – Можете не сомневаться.

– Высочество? – изумленно пробормотал Барс, глядя на девушку. – Так ты принцесса?

– Я не слышу почтения в твоём голосе, парень! – грозно прорычал начальник стражи.

– Оставь его, Надим, – остановила воина Милана. – Да, юноша, мой отец Мизандар, король Равнины. Но я до сих пор не услышала твоего имени.

– Барс, – просто ответил юноша. – Так называют меня люди.

– Но кто же ты? Что ты делал здесь?

Юноша слегка замялся, вместо него ответил Надим.

– Он раб, ваше высочество, – без труда определил воин. – И сдается мне, что беглый. Этот след на ноге я не спутаю ни с чем, он остается от колодки. А спина его не так давно основательно отведала плетей.

– Ты раб?! – изумленно и даже негодуя воскликнула Милана, сразу переменившись в лице.

Она даже сделала движение будто хотела вытереть руку, которой прикасалась к своему спасителю.

– А ты ожидала, что полуголый парень из придорожной канавы окажется принцем? – насмешливо спросил Барс, слегка оскорбившись такой переменой отношения к себе.

Тут же от оплеухи Надима у него потемнело в глазах.

– Когда обращаешься к госпоже, говори ей «ваше высочество» и не забывай кланяться, раб.

Милана взошла на колесницу и уже оттуда, глядя на Барса свысока, продолжала спрашивать:

– Кто твой хозяин?

– Я рожден свободным, у меня нет хозяина, – гордо ответил юноша.

Принцесса нахмурилась, а Надим, снова отвесив Барсу подзатыльник, с ехидством произнес:

– А вот сейчас мы узнаем, есть у тебя хозяин или нет. Готов спорить на свое жалование, что это за тобой.

От реки к каравану принцессы приближались три всадника. В первом Барс без труда узнал Менгира.

– Кто вы такие? – не слишком любезно осведомился приказчик, подъехав ближе.

– Перед вами дочь вашего короля принцесса Милана! – громогласно объявил Надим.

Менгир и его помощники поспешно спрыгнули с седел и преклонили колени перед принцессой.

– Прошу простить мне мою дерзость, ваше высочество, – раболепно произнес приказчик. – Мое имя Менгир, я состою на службе у благородного господина Тилпа. Этот раб принадлежит нашему господину. Сегодня ночью он сбежал, я хотел бы вернуть его в поместье.

– Я не могу отдать его вам, уважаемый Менгир, – ответила принцесса. – Этот человек оказал мне неоценимую услугу и я дарую ему свободу.

Барс ухмыльнулся и показал обескураженному Менгиру кукиш. Губы Миланы чуть дрогнули в улыбке, она едва удержалась от смеха.

– Не смею перечить вашей воле, – произнес Менгир, поклонившись. – Но этот негодяй не достоин такой милости.

– Это мне решать, – надменно ответила Милана. – Поезжайте вперед и скажите господину Тилпу, что мой караван остановится в его усадьбе на полуденный отдых.

– Слушаюсь, ваше высочество.

Милана перевела свой надменный повелительный взгляд на Барса и спросила:

– Ты доволен моей милостью?

– Почти, – ответил Барс. – Но это не совсем то, на что я рассчитывал.

– А на что же ты рассчитывал? – недоуменно поинтересовалась девушка.

– На руку и сердце, – нахально ответил Барс. – А для начала ты могла бы поцеловать меня.

Караван принцессы уже давно нагнал свою госпожу, многочисленные слуги, высыпавшие из походных кибиток, окружали колесницу. Услышав дерзкие слова юноши, все разом при-

тихли, Даже свирепый Надим растерялся от такой наглости. Менгир, уже вскочивший в седло, натянул поводья и оглянулся.

Кровь прилила к щекам Миланы, в глубине ее черных глаз заплескали злые огоньки.

– Да как ты смеешь, раб?! – прошипела она вне себя от гнева. – Грязный бродяга! Жалкий червь! Знатнейшие принцы и герцоги бились на турнирах за честь удостоиться моего взгляда. На что смел надеяться ты, ничтожный раб?!

– Я уже не раб, – напомнил Барс, спокойно выдержав ее испепеляющий взгляд. – Ты сама даровала мне свободу.

– Я же и забираю ее назад! – гневно воскликнула принцесса.

– Одно только слово, ваше высочество, и я снесу с плеч его глупую башку! – рывкнул Надим, рванув из ножен свой огромный меч.

– Это еще успеется, – остановила Милана своего верного телохранителя. – Раб, ты оскорбил меня и заплатишься за свою дерзость. Пока же я даже не желаю видеть твою наглую рожу. Господин Менгир, вы можете забрать его. Приказываю приковать этого наглеца к столбу и ждать моих личных распоряжений. Я сама решу его участь.

Слуги Менгира мгновенно связали юношу и бросили на одного из коней поперек седла. Трое всадников помчались к усадьбе, спеша известить хозяина о прибытии знатной особы. Караван принцессы неспешно потянулся следом.

Когда спустя некоторое время вороны втянули колесницу на широкий двор усадьбы, Барс уже висел на цепях, прикованный к столбу возле самых ворот. Еще издали заметив своего обидчика, принцесса злорадно улыбнулась. Неожиданно Барс улыбнулся ей в ответ. Милана нахмурилась и приказала вознице остановиться. Воины, сопровождавшие колесницу, также натянули поводья.

– Чему ты радуешься, глупец? – удивленно и с некоторым разочарованием поинтересовалась Милана.

– Ты улыбаешься, прекрасная дева и я счастлив, что хотя бы так смог доставить тебе удовольствие.

Принцесса недовольно поджала губы и, прищурившись, произнесла:

– Очень скоро ты уже не будешь таким счастливым, раб. Я постараюсь придумать для тебя такое наказание, которое навсегда сотрет ухмылку с твоей наглой физиономии.

Она кивнула вознице – колесница покатила дальше, всадники последовали за своей юной госпожой. Надим, поравнявшись со столбом, к которому был прикован Барс, придержал коня, смерил юношу пристальным взглядом и вдруг беззлобно сказал:

– Дурак ты, парень. Тебе выпала редкая удача, а ты не смог ее удержать и сам все испортил. Наша госпожа не деревенская девчонка, она совсем не из тех, над кем можно безнаказанно подшучивать.

– Ты прав, Надим, мне действительно выпала редкая удача, – согласился Барс, загадочно усмехнувшись. – Но я вовсе не упустил ее. Вот увидишь, эта девушка обязательно станет моей.

– Король Хармас, правитель Голубой Долины, думает точно так же, – усмехнулся Надим. – Принцесса направляется к нему, чтобы стать его женой и королевой. И сдается мне, что у короля Хармаса шансов больше, чем у полуголого парня, закованного в цепи.

– Еще не вечер, – нахально ответил Барс.

Надим покачал головой и прищипорил коня. Барс рассмеялся ему вслед.

Тилп поспешил навстречу гостям. Следом за хозяином поместья из двустворчатых дубовых дверей особняка высыпало все его семейство и многочисленная прислуга. Все низко склонились перед дочерью своего короля.

После обычной церемонии приветствия принцессу пригласили в дом. Там после торжественного обеда ее проводили на отдых в специально отведенные покои. Отпустив всех своих служанок, Милана осталась в одиночестве.

Распахнув двустворчатые двери с цветными стеклами, принцесса вышла на террасу. Отсюда отлично просматривался парадный въезд в усадьбу и столб с прикованным к нему человеком. Девушка вздохнула. Когда она смотрела на Барса, на душе становилось как-то беспокойно, будто начинали мучить угрызения совести. Несмотря на всю свою зловредность и несносный капризный характер, Милана была отходчива и не умела долго сердиться, тем более на этого юношу. Ведь пришел ей на помощь, не задумываясь и рискуя собственной жизнью. Но вспомнив нахальный взгляд молодого раба, его дерзкие слова и пренебрежительно-шутливый тон, девушка снова рассердилась. Нет, так не разговаривают с благородной особой королевской крови. Как бы ни был отважен и самоотвержен его поступок, раб должен быть наказан за свою дерзость. Вот только как? Хотелось причинить ему не телесную боль, а уязвить в самое сердце.

Услышав шорох за спиной, девушка обернулась. Симпатичная девочка лет тринадцати в запыленном хитоне упала перед ней на колени.

– Прошу простить меня, ваше высочество, – пробормотала девочка.

– Кто ты? – удивилась принцесса.

– Мое имя Литина, – ответила девочка, не смея поднять головы. – Я работаю на полях господина Тилпа.

– Что же ты делаешь в доме? Полевым рабам нельзя здесь находиться.

– Я узнала о вашем приезде и тайком пробралась сюда, чтобы просить милости. Я знаю, если меня заметят здесь, то жестоко накажут. Но я не могла поступить иначе.

– Поднимись, девочка, – приказала принцесса. – Не бойся, тебя не посмеют наказать. О чем ты хочешь просить? Тебя кто-нибудь обидел?

– О нет, ваше высочество, – поспешно сказала Литина, встав с колен. – Я пришла просить не за себя, а за того человека, которого приковали к столбу по вашему приказу.

Милана нахмурилась.

– Этот негодяй публично оскорбил меня и понесет за это наказание. Он не заслуживает жалости и снисхождения.

– О да, ваше высочество, я слышала, что произошло. Я уверена, что он не хотел вас обидеть и сделал это случайно. Он слишком горд, чтобы быть рабом, и с его языка часто слетают дерзости, но совсем не со зла.

– Да, ты права, он слишком горд, – задумчиво кивнула принцесса. – Он не даром носит свое имя. Но почему ты просишь за него? Кто он тебе?

– Он очень хороший человек и этого для меня достаточно. Барс оказался в рабстве из-за меня, его осудили безвинно. Барса здесь погубят. Менгир ненавидит его и мстит. Барс слишком дерзок, это правда, но у него доброе и бесстрашное сердце, он всегда готов прийти на выручку любому, попавшему в беду. Вы такая красивая, вы не можете быть злой и я прошу вас, ваше высочество, спасите Барса. Здесь его погубят.

Литина всхлипнула, по ее щекам покатались слезы. Принцесса слегка растерялась. Она не привыкла выступать в роли утешительницы, обычно это ее утешали, потакая всем капризам.

– Не плачь, девочка, – сказала Милана. – Ступай. И не беспокойся больше за своего друга.

Литина поклонилась и покинула покои принцессы. Некоторое время девушка размышляла, глядя с террасы на Барса, закованного в цепи. Наконец приняв решение, Милана вернулась в комнату, взяла со стола колокольчик и позвонила. На зов явилась одна из служанок.

– Немедленно пригласи ко мне хозяина усадьбы, – распорядилась принцесса.

Служанка поспешила исполнить приказ. Вскоре в покои вошел Тилп, пытаясь согнуть свое тучное тело в почтительном поклоне.

– Меня утомила тряска в колеснице, – объявила ему принцесса. – Дальнейший путь я хотела бы продолжить с большими удобствами. У вас найдется паланкин, уважаемый господин Тилп?

– Я немедленно распоряжусь об этом ваше высочество, – заверил ее толстяк. – В носильщики вам выделяют самых крепких и выносливых рабов.

– В число носильщиков я прошу включить вашего раба по прозвищу Барс, – продолжала Милана.

Заметив удивление на лице хозяина поместья, девушка пояснила:

– В пути я сама придумаю подходящее наказание для этого наглеца. Пока же пусть его снимут со столба и хорошенько накормят. Не хочу, чтобы он умер слишком скоро, он должен ответить за оскорбление.

– Все будет исполнено как вы желаете, ваше высочество, – снова заверил принцессу Тилп, сделав очередную попытку поклониться.

На рассвете караван принцессы Миланы покинул усадьбу и продолжил свой путь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОХИЩЕНИЕ ПРИНЦЕССЫ

День за днем продвигался караван вперед. Походные кибитки с многочисленной челядью и подводы, груженные приданым принцессы, тянулись по степной дороге, окутанные облаками пыли.

Восемь крепких рабов, держа на своих плечах роскошный паланкин, несли принцессу навстречу ее жениху, королю Голубой Долины. Караван знатной невесты сопровождал подданный короля Хармаса граф Готен – надменный дворянин, надушенный и напояженный словно девица. На своем великолепном буланом жеребце он гарцевал подле паланкина, следуя наказу своего сюзерена не оставлять принцессу без присмотра.

Среди носильщиков шел и Барс. Дальняя дорога была утомительна для всего каравана, но больше всех страдали именно носильщики, поэтому злопамятная принцесса, желая помучить дерзкого раба, и включила юношу в их число.

От рассвета до заката стояла невыносимая жара, солнце нещадно выжигало равнину. За все дни пути на иссушенную зноем землю не пролилось ни капли влаги, редкие облачка, проплывавшие в небе, ветер уносил прочь. Люди бывалые утверждали, что все облака, рождающиеся над равниной, ветры гнали к Высоким горам, где собирали в единую сплошную массу, пеленой укрывавшую вершины пиков. Там, по слухам, располагалась легендарная Поднебесная страна.

Жители равнины издревле орошали свои пахотные земли, прорывая сеть каналов на полях, ибо надежды на милость небес не было никакой. Здесь же, на пустынных землях у самых границ королевства, все иссушал зной. Колеса кибиток и копыта коней взметали в воздух клубы пыли, которая сплошным облаком висела над дорогой, забивая людям глотки и глаза. Всадники закрывали лица платками, прислуга пряталась под пологам кибиток, принцесса же укрывалась за легкими полупрозрачными занавесками своего паланкина. Лишь носильщики не имели возможности защититься от всепроникающей пыли.

Граф Готен изо всех сил старался сохранить гордый и независимо-надменный вид, как и подобает благородному дворянину, однако и он уже почти ничем не отличался от прочих всадников. Его роскошный камзол и накрахмаленные кружева сорочки посерели от пыли, капли пота прочертили дорожки на лице сквозь пудру и степную пыль. Прижимая надушенный платок к носу, он с удивлением поглядывал на Надима – грозный воин, закованный в стальную броню доспехов, крепко сидел в седле и по его виду совершенно не было заметно, что начальник стражи страдает от жары или пыли.

Заскучав, Милана откинула занавеску паланкина и выглянула наружу.

– Ты уже не улыбаешься, раб, – с издевкой заметила она, взглянув на Барса.

– Совсем необязательно постоянно улыбаться, чтобы чувствовать себя счастливым, – ответил юноша.

– Не думаю, что ты счастлив сейчас, – усомнилась принцесса.

– Почему же? Я несу на руках прекраснейшую девушку на свете, в которую влюблен и которая очень скоро полюбит меня. Разве этого недостаточно, чтобы чувствовать себя счастливым?

За время пути Милана успела наслушаться немало подобных речей от Барса и уже несколько привыкла к его дерзостям. Тем не менее, она нахмурилась и недовольно произнесла:

– Твое нахальство и твоя самоуверенность граничат с безумством. Когда ты перестанешь нести свой бред?

– Никогда, – ответил Барс. – И потом, в моих словах нет ничего безумного. Что невероятного в том, что такая девушка как ты полюбит такого парня как я?

– А то, что ты всего лишь жалкий раб, а я принцесса. И скоро я стану королевой Голубой Долины.

– Но пока ты ею не стала. Путь наш далек и многое еще может случиться.

– Что бы ни случилось, тебе не на что надеяться, раб. Лишь в одном случае я еще могла бы снизить до тебя, если бы ты вдруг стал правителем Поднебесной страны. Но скорее небо упадет на землю, чем ты сменишь свои драные штаны на благородные одежды царя.

– Как знать, – многозначительно ответил Барс, усмехнувшись. – В жизни всякое случается.

– Только не такое. Знай свое место, раб, и не заглядывайся на трон государей.

– Я бы и рад знать свое место, да никто не может мне его указать, – насмешливо сказал Барс. – Где я только не был за последнее время: и в тюрьме, и на конюшнях, и в кузне, и на полях. И нигде не пригодился.

– Это потому, что ты никчемный человек, – попыталась уязвить его Милана.

– Однако теперь я здесь, у твоих ног и ты не собираешься меня отпускать, – усмехнулся Барс. – Значит, несмотря на всю свою никчемность, тебе-то я очень нужен.

– Не забывайся, раб! – рассердилась Милана. – Ты до сих пор не расстался с головой только потому, что об этом меня попросила одна маленькая девочка.

– Литина?! – удивленно воскликнул Барс.

– Да, кажется, так ее зовут. Только благодаря ей ты еще не сдох в придорожной канаве. Так что прикуси свой поганый язык и забудь свои безумные мечты.

С этими словами принцесса задернула занавеску, демонстрируя свое нежелание больше видеть ухмыляющуюся физиономию нахального раба. Барс рассмеялся.

– Заткнулся бы ты и в самом деле, парень, – мрачно посоветовал Барсу один из носильщиков. – Из-за тебя нас всех накажут. И так уже еле дышим.

– Ну, хоть ноги отдохнут, пока нас пороть будут! – весело отозвался Барс.

Граф Готен покосился на юношу и произнес, обращаясь к принцессе:

– Не понимаю, ваше высочество, зачем вы держите при себе этого наглеца. Его давно уже следовало бы повесить.

Милана ничего не ответила, она и сама себе не смогла бы объяснить почему до сих пор терпит все насмешки дерзкого раба. Барс же подмигнул графу и сказал:

– Если меня повесят, тебе, дружище, придется тащить эти носилки вместо меня. Впрочем, тебе будет полезно поразмяться, ты как-то плохо выглядишь, засиделся в седле.

Готен вспыхнул от возмущения, благородный дворянин совсем не привык к подобному обращению со стороны прислуги. Он с превеликим удовольствием отхлестал бы плетью молодого наглеца, но опасался гнева принцессы – все-таки этот дерзкий раб принадлежит ей, а король Хармас приказал потакать всем прихотям своей невесты. Скорее всего, узнав о притязаниях босоногого раба на руку Миланы, король сам прикажет четвертовать его, но пока они еще далеко от Голубой Долины.

Граф прищепил коня и проехал чуть вперед, удостоив раба лишь презрительным взглядом. Барс ухмыльнулся.

Через некоторое время занавеска паланкина откинулась. Сидеть в бездействии в покачивающихся носилках было слишком скучно и девушка вновь выглянула наружу. Как ни был дерзок Барс, все же он по-своему развлекал капризную принцессу.

– Что-то тебя давно не было слышно, раб, – надменно сказала Милана. – Почему же ты замолчал? У тебя кончился запас твоих гадостей? Тебе больше нечего сказать своей госпоже?

– Ты непостоянна в своих желаниях как все женщины, – отозвался Барс. – Совсем недавно ты требовала, чтобы я прикусил язык и вот уже сама снова разговариваешь со мной

и удивляешься почему меня не слышно. Я знаю, что небезразличен тебе, но никак не думал, что ты соскучишься так скоро.

– Тебя все-таки следует наказать за твою наглость, раб! – вновь рассердилась принцесса.

– Ты всегда успеешь это сделать, я никуда от тебя не денусь.

– Почему же? Ты ведь не побоялся сбежать из поместья Тилпа. Что не позволит тебе снова устроить побег?

– Ты сама должна это знать.

– Глупый раб! Если я спрашиваю, значит, не знаю. Объясни своей госпоже, что ты имеешь в виду?

Барс поднял глаза на Милану и улыбнулся.

– Разве можно объяснить любовь? Ты госпожа моего сердца. Со своим табором я исколесил полсвета и видел великое множество прекрасных девушек. Но никогда еще меня не мог пленить чей-либо взгляд. А к тебе мое сердце само накрепко приковалось незримыми цепями. Оно поет, когда я вижу тебя. Ты словно ангел, спустившийся с небес, твои глаза подобны бездонной глубине звездного неба, твой нежный голосок льется как ласковое журчание прохладного ручейка, а уста манят к себе страстным желанием поцелуя. Ты как будто специально создана для любви и наслаждения...

– Замолчи! – потребовала принцесса, прервав восторженную речь юноши.

– Я еще ничего не сказал о твоей фигурке, – сказал Барс, лукаво усмехнувшись.

– Я не желаю больше слушать эту чушь, – надменно произнесла Милана. – Твои желания неосуществимы. Забудь свои глупые мечты, раб.

– Забуду, но не раньше, чем расстанусь с головой.

– Это очень легко можно устроить, – пообещала Милана.

– Только не тебе, – возразил Барс, снова хитро усмехнувшись.

– Это еще почему? – поинтересовалась девушка.

– Потому, что я необходим тебе! – самоуверенно заявил Барс. – Ты можешь противиться своим чувствам сколько угодно, но я небезразличен тебе и поэтому ты ни за что не избавишься от меня, что бы ты ни говорила. Даже если я вдруг вздумал бы сбежать, ты тут же отправила бы за мной своих мордоворотов и вернула меня обратно. Я тебе нужен.

Принцесса презрительно усмехнулась.

– Наглость твоя действительно не имеет границ, раб. Но я объясню тебе кое-что, чтобы ты не слишком задавался. Ты действительно мне небезразличен, но чувства мои не имеют ничего общего с теми, о коих гредишь ты. Просто я желаю своими глазами видеть твои страдания, не более того. Ты будешь нести на своих плечах эти носилки, покуда не свалишься с ног.

– Обо мне не беспокойся, я готов нести тебя хоть в одиночку на руках до самой Голубой Долины. А вот эти парни действительно уже порядком притомились. Желая досадить мне, ты не щадишь и их. Они прошагали уже немалый путь, надышались пылью, их плечи болят и ноги сбиты. Если они споткнутся, тебе тоже придется несладко. Ведь на плечах-то они несут тебя.

Милана высунулась из паланкина и оглядела усталых рабов.

– Ты прав, – вынуждена была согласиться девушка. – Этим людям нужен отдых. Надим!

Услышав зов своей госпожи, начальник стражи подъехал ближе.

– Я здесь, ваше высочество!

– Прикажи подать мою колесницу. Мне надоела качка, я хочу развеяться. Пусть паланкин погрузят в повозку, а носильщикам дадут отдых. Всем, кроме этого.

Милана указала на Барса. Тот широко улыбнулся, с обожанием глядя на принцессу.

– Может быть, ваше высочество изволит приказать каравану встать на отдых? – осторожно осведомился Надим.

– Нет, мы остановимся только на ночлег. А на этого раба нагрузить вьюк, пусть несет. Нечего ему отдыхать.

Барс рассмеялся. Надим отвернулся, скрывая улыбку, он явно начинал симпатизировать непокорному парню.

– Пусть выюк будет потяжелее, – мстительно добавила принцесса, услышав смех юноши.

– Будет исполнено, ваше высочество, – заверил госпожу Надим.

Караван ненадолго остановился. Принцесса пересела в колесницу и в сопровождении графа Готена переместилась в голову отряда, чтобы не дышать пылью. Паланкин, подаренный ей Тилпом, погрузили в одну из повозок, усталых рабов носильщиков усадили в кибитки к прочим слугам. Лишь Барс продолжил свой путь пешком, под присмотром грозного Надима. На плечи ему взвалили тяжеленный выюк и юноша, шатаясь от усталости, поплелся в хвосте каравана.

– Отступись, парень, – посоветовал Надим. – Принцесса горда, обидчива и капризна, но совсем не жестока. Прекрати эту свою глупую игру, перестань раздражать ее, повинись и она смилостивится.

– Мне не нужна ее милость, – гордо ответил Барс.

– Тогда участь твоя незавидна. Своими придирками она сведет тебя в могилу.

Барс ничего не ответил на это предупреждение. Стиснув зубы, он продолжал нести свою ношу.

Он смог сбросить с плеч тяжелый выюк лишь вечером, когда караван достиг небольшого оазиса. Сразу же началась суeta, слуги захлопотали, разбивая лагерь. Одни ставили шатер для принцессы, другие распрягали коней, третьи распаковывали утварь.

Усевшись на выюк, который нес, Барс с трудом перевел дух. Все тело ныло от усталости, плечи ломило, ноги гудели от напряжения. В горле совсем пересохло, желудок свело от голода.

Он даже не успел отдышаться, как вдруг услышал недовольный голос принцессы:

– А этот почему отдыхает?! Заставьте его работать!

И не оглядываясь, Барс понял, что речь идет о нем. Поднявшись на ноги, он взглянул на Милану, ухмыльнулся и насмешливо произнес:

– Для тебя все, что угодно, свет очей моих. Могу отгонять от тебя мух или почесать спинку.

Принцесса презрительно фыркнула и скрылась в шатре. Надим хлопнул парня по плечу и сказал:

– Ну, идем, раз ты такой неутомимый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.